

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Памяти академика В. П. Волгина

М.: НАУКА. 1964. С.149-198

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи.

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА

(темным шрифтом выделены статьи, размещенные в нашей библиотеке)

В.А.Дунаевский, Б.Ф.Поршнев. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963)

Н.Е.Застенкер. Ленин о домарксовом утопическом социализме

Морис Домманже. Истоки социальных идей Жана Мелье

(к 300-летию со дня рождения)

М.А.Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров

Жан Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.С.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо

и великие утописты

Ю.П.Мадор. Эстетические взгляды французских

утопических социалистов первой половины XIX в. 223

К.Э.Кирова. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840)

А.Д.Колпаков. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов

Карл Оберман. К распространению социалистических идей в Рейнской провинции в 1844—1845 гг.

А.И.Володин. О начале социалистической мысли в России

Е.Л.Рудницкая. Социалистические идеалы Н.П.Огарева

В.Р.Лейкина-Свирская. Утопический социализм, петрашевцев

В.Э.Кунина. История создания нового проекта Общего устава

и Организационного регламента I Интернационала (1872)

Ю.Я.Мошковская. Новейшие труды о немецком

утопическом социализме XVIII в.

В.М.Далин. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в Аррасской тюрьме

Письма В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненского и В.А.Мякотина В.П.Волгину

Михаил Абрамович БАРГ

ГЕНЕЗИС ИДЕОЛОГИИ ИСТИННЫХ ЛЕВЕЛЛЕРОВ

Течение социальной мысли, оформившееся в Англии на высшем подъеме английской революции 40-х годов XVII в. в виде программы «истинных левеллеров» (*true levellers*),— феномен огромного историко-познавательного интереса. В нем и только в нем с поразительной отчетливостью раскрылась самая глубокая, т. е. подлинная, тайна происходившего в стране общественного переворота.

В самом деле, всем ранним буржуазным революциям XVI—XVIII вв. сопутствовали более или менее самостоятельные движения тех народных низов, которые с торжеством буржуазной собственности и свободы не почувствовали *никакого облегчения* и поэтому стремились повести революцию *дальше*— до пределов, угрожавших самому существованию и той и другой. В области же идеологии эта, отмеченная еще Энгельсом¹ закономерность проявлялась в том, что в ходе этих революций выкристаллизовывались эгалитарные и примитивно-коммунистические учения, в которых и отражались смутные еще социальные чаяния обманутых в своих надеждах на скорое избавление народных низов. Однако нетрудно заметить, что во всех случаях в этих учениях воплощалась не магистральная линия развития буржуазной революции, не *коренные проблемы*, ею разрешавшиеся, а лишь ее, если можно так выразиться, социальное эхо в народных низах, ее более или менее отдаленные последствия, лежавшие, по существу, за ее пределами и сами по себе служившие свидетельством ее неизбежной классовой ограниченности.

Движение и идеология истинных левеллеров являются в этом ряду единственным историческим примером, в котором только что указанная закономерность находит свое полное подтверждение, и в то же время— примером, выходящим за рамки ее, ибо в этом движении и в этой идеологии воплотились

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 20, стр. 17.

лась благодаря стечению обстоятельств (и прежде всего — союзу буржуазии с новым дворянством)² еще и *восходящая линия* развития самой буржуазной революции, подлинная история ее демократического этапа (1647—1649).

В этом заключается историческое своеобразие и научно-познавательный интерес английского варианта истинного уравнительства.

Но этим, на наш взгляд, исторически единственно верным истолкованием сущности движения диггеров уже предопределена основная линия исследования генезиса их идеологии: ее корни не могут быть полностью вскрыты одним лишь анализом хода революции 40-х годов, не могут быть выявлены только из противоречий, порожденных ею. Тем более бесплодным, ставящим всю проблему на голову был бы поиск этих корней лишь в области самой идеологии, в филиации идей, будь то религиозных, рационалистических или политических. Этим, конечно, отнюдь не снимается данная проблема в применении к идеологии диггеров, она, как мы увидим ниже, бесспорно существует.

Очевидно, что подлинных истоков того или иного социального учения — тем более такого, каким являлась идеология истинных левеллеров, — следует доискиваться в первую голову в самих социальных проблемах, над разрешением которых билась передовые умы задолго до революции.

Если истинно то, что каждая более или менее завершенная историческая эпоха знает лишь одну социальную проблему, узловую для данных общественных противоречий, проблему, в которой с наибольшей полнотой раскрывается сложное переплетение общественных связей, тайные пружины политики, механизм внешне малообъяснимых политических пертурбаций, — одним словом, в которой воплощен невидимый исток, определяющий направление видимого течения общественной жизни страны, — то вряд ли может вызвать сомнение то положение, что в течение полутора веков, предшествовавших революции 40-х годов, в Англии такой проблемой была аграрная революция, борьба классов за землю, являвшуюся олицетворением собственности вообще и основных ее форм в частности.

Одна из наиболее слабых сторон историографии, посвященной английским огораживаниям XVI—XVII вв., заключается, на наш взгляд, в том, что они рассматриваются в лучшем случае как *одна* из черт общественной жизни данного времени³, между тем как в действительности они являлись ее фокусом. Они рассматриваются в лучшем случае как *основное*

противоречие аграрного вопроса, в то время как в них заключается основное социальное противоречие данного времени *в целом*. Иначе говоря, в первом случае общее сводится к частному, кардинальное — к второстепенному. В результате социологический ключ к данной эпохе превращается в заурядное явление. Между тем марксистское истолкование аграрной революции в Англии усматривает в ней основную призму, сквозь которую только и может быть изучено и раскрыто содержание английской истории XVI и первой половины XVII в.⁴ Какую бы область этой истории мы ни взяли — политику абсолютизма, реформацию и контрреформацию, английский гуманизм и т. д. (не говоря уже о развитии мануфактуры, торговли, рабочем вопросе, пауперизме), — все они так или иначе определялись течением аграрной революции во всех ее многообразных, чаще всего скрытых от непосредственного наблюдения опосредствованиях и результатах⁵.

С этой точки зрения борьба йоменри как класса против огораживаний общинных полей была только по форме борьбой за сохранение традиционного общинного уклада землепользования, по существу же она являлась борьбой за демократический путь уничтожения феодальных поземельных отношений, за торжество крестьянской, трудовой собственности и трудового хозяйства.

И то обстоятельство, что складывающийся класс буржуазии в этой стране выступил не только как активный участник борьбы за землю, но, что более важно, как *союзник дворянства*, этого самого непримиримого врага крестьянской собственности и свободы, наложило свой отпечаток не только на исход этой борьбы, но и на идеологическую окраску всех крестьянских выступлений против огораживаний в XVI—XVII вв.

Поскольку враждебный крестьянству буржуазно-дворянский блок боролся под знаменем «абсолютной частной собственности»⁶, йоменри противопоставляли этому принципу освя-

этого ряда, но одна посвящена лишь самому начальному этапу аграрной революции в Англии, а вторая — конечному ее этапу.

⁴ См. К. Маркс Капитал, т. I, гл. XXIV. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.

⁵ Надеюсь, непродубежденный читатель поймет, что речь идет не о сведении всего многообразия общественной жизни к механическим «результатам» или «влияниям» аграрной революции, а о познавательном принципе ее изучения.

⁶ Наиболее ярко это выражено в знаменитой декларации палаты общин от 9 апреля 1628 г.: «Представляется несомненной и основополагающей максимум древнего права Англии, что подданные обладают истинной собственностью (true property) на свое имущество (goods), земли и владения. Право охраняет как священное это «мое» и «твое» (meum et tuum), являющееся кормилицей трудолюбия и матерью храбрости, ибо где нет собственности, там нет заботы об ее защите. Без этого «моего» и «твоего» не может существовать в королевстве ни закона, ни правосудия, охрана его неприкосновенности

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 222.

³ Монографии советских ученых В. Ф. Семенова («Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в.», М., 1949) и В. М. Лавровского («Парламентские огораживания в Англии», М., 1940) представляют исключение из

ценные вековой традицией общинные начала сельской жизни. Именно поэтому для идеологии крестьянства как класса в этот период были специфичны сильные мотивы аграрного коммунизма, идея «матери земли, созданной творцом на благо всем живущим на ней детям».

Отметим с самого начала, что к XVI в. сущность этой древней как мир идеи заключалась уже не в ее положительном содержании (в значительной мере утерянном и вряд ли в массе крестьянства уже сколько-нибудь отчетливо сознававшемся), а в содержании отрицательном — в противопоставлении ее миру эгоизма, жадности, корыстолюбия — словом всех тех зол, в которых олицетворялся для йоменри «век первоначального накопления»⁷.

Эта особенность идеологии крестьянских движений в Англии XVI — первой половине XVII в. позволяет связать ее с традицией, уходящей своими корнями к проповедям лоллардов XIV в., в частности к проповедям Джона Болла⁸. В самом деле, разве в так называемой «Уиндемской программе» восстания 1548 г. не слышатся те же мотивы «крестьянского коммунизма», о которых с такой ненавистью сообщается о крестьянском восстании 1381 г. в хронике Фруассара?

Вот отрывок из этой программы-проповеди: «Природа создала плоды для нас так же, как и для них [господ], она дала является истинной целью (proper object) их обоих» («Journal of the House of Commons»).

⁷ Эту ломку средневекового, во многом обязанного общинному началу, правосознания, происходившую под давлением новых производственных отношений, легко проследить. Только в XV в. возникает учение о том, что собственность не подлежит чужому пользованию, даже если она не огорожена, т. е. сохраняет видимость общинных угодий. «Земля каждого считается огороженной для других, даже в случае, когда в действительности изгородь вокруг нее отсутствует». Поэтому собственник имел право на иск против нарушителя ее границ (quare fregit clausum) Между тем еще во времена Брактона ответчик по иску «о новом захвате» мог доказать, что истец «Nullo tempore (suum tenementum) includi poterit vel quod nisi certis moris et temporibus», иначе говоря, что истец не имел права возводить вокруг своего держания изгородь, за исключением временной и в соответствии с обычаем (H. de B. acton. De Legibus et consuetudinibus Angliae, ed. Travers-Twiss, L. IV, с. 8).

⁸ «Братья, жизнь в Англии не станет лучше, пока не будет введена общность имущества и пока не исчезнут дворяне и крепостные, пока мы не станем все равными, а господа будут не выше нас. Как они обращаются с нами? Почему мы находимся в рабстве у них? Мы все происходим от одних и тех же родителей — от Адама и Евы. Чем же господа могут доказать, что они лучше нас? Быть может, тем, что мы зарабатываем и добываем то, что они проедают? Они носят бархат, шелк и меха, между тем как мы одеваемся в убогий холст. Они имеют вино, пряности и пироги, а мы едим отруби, пьем одну только воду. Их участь — бездельничать в роскошных замках, а наша — труд и работа в поле под ветром и дождем. Ведь из нашего труда они извлекают свою роскошь» (Froissart, II, ch. 135). Эту генетическую линию отметил в своей работе В. Ф. Семенов (см. В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М., 1949, стр. 329).

нам такую же душу и тело и не обделила нас ни в чем. Но если мы имеем одинаковое тело и рождаемся так же, как и они, почему их жизнь так не похожа на нашу?.. Мы снесем изгороди, засыпем рвы и дадим возможность каждому пользоваться общинным пастбищем. Наконец, мы сравняем с землей (levelled with the Earth) все, что они огородили, побуждаемые жадностью и жестокостью. Мы желаем свободного, одинакового и равного пользования всеми вещами»⁹.

О том, что среди наиболее бедных слоев восставших в 1548 г. крестьян были весьма распространены такие устремления, нам сообщают и автор знаменитого «Диалога об общественном благе» Джон Хейлз¹⁰ и Джон Чик в памфлете «Увещание к мятежникам». В последнем мы между прочим читаем: «Чего вы хотите достигнуть вашим равенством в обществе? Вы ведь стремитесь к равенству всех вещей... Вы ведь ищете равенства во всем... Если один будет богаче другого, вы ограбите его, чтобы сохранить равенство?.. Своими нечестивыми мятежами вы хотите заставить [бога] распределять богатства и другие дары поровну»¹¹.

Представляется на первый взгляд парадоксальным, что в стране классического развития капитализма, особенно бурно вторгавшегося в сельскохозяйственное производство и обусловившего столь массовое и насильственное разрушение сельской общины извне и столь интенсивную и раннюю дифференциацию и разложение ее изнутри, отмеченные выше мотивы средневекового аграрного коммунизма были настолько живучи,

⁹ Nevylle. De Furoribus Norfolciensibus duce Ketto. Цит. по: J. Clayton. Robert Kett and the Norfolk Rising. London, 1912, p. 65. Сопоставим то, что писал Р. Кроули в середине XVI в. и проповедь Томаса Уимбледона в 1387 г.: «Если спросить бедняка, что он считает причиной восстания (1548 г.— М. Б.), я заранее знаю его ответ. Он станет говорить о крупных фермах, об овцеводах, богатых мясниках, юристах, купцах, джентльменах, рыцарях, лордах и я не знаю о ком еще. Действительно, это люди без совести, совершенно потерявшие страх божий. Да, они живут поистине так, как если бы не существовало бога. Это люди, которые стремятся все захватить в свои руки и ничего не оставить другим. Они как будто хотят одни жить на земле... Они захватывают наши дома, скупают наши земли, поднимают наши ренты... Так что мы не знаем, как будем жить дальше» (R. Crowley. Select Works, London, 1872, p. 132—133). А вот что говорил в своей проповеди Томас Уимбледон через 6 лет после восстания Уота Тайлера: «Богатые люди пожирают бедных, как скот [траву] пастбища... Это мы можем наблюдать ежедневно. Если богатый имеет [целое] поле, а бедный имеет в середине или на краю его один акр, если богатый владеет [целой] улицей за исключением одного только дома, которым владеет его бедный брат, он не успокаивается до тех пор, пока не вырвет их из рук бедного... Как далеко зайдет ваша жадность, богатые люди? Или вы хотите остаться одни на земле? Земля была создана общей для всех, для бедных, как и для богатых, и бедные и богатые рождаются в одном состоянии — голыми» (цит. по: G. K. Owsst. Literature and Pulpit in medieval England. Cambridge, 1933, p. 76).

¹⁰ Discourse of the Common weal (ed. Miss Lamond), 1893, introd, p. LVII.

¹¹ Holinshed. Chronicles, v. III, p. 889—890.

что сопутствовали всем сколько-нибудь массовым движениям, предшествовавшим революции 40-х годов. Объяснение этой интереснейшей особенности идеологии народных низов предреволуционной Англии мы находим именно в этих, только что указанных социальных процессах¹².

В Англии обезземеливание огромных масс крестьянства происходило задолго до победы буржуазного строя. Жертвам экспроприации — пауперам, бродягам — приходилось очень долго дожидаться превращения в наемных рабочих капиталистической мануфактуры. Это создало социальную атмосферу, совершенно неповторимую по сложности и накалу общественных конфликтов вокруг распределения земельной собственности. Именно чаяния этих экспроприированных крестьян, все еще мечтавших о своем возвращении к кормилице-земле, оказались той питательной почвой, на которой вновь ожили и буйно расцвели эгалитарные идеалы прошлого, начавшие было сильно вянуть в условиях гибели той самой сельской общины, которая их взрастила.

Эти специфические социальные условия не могли не повлиять и на содержание общественных идеалов обездоленных, на характер вновь возрожденного эгалитаризма. Если в своем средневековом проявлении, дошедшем, как мы видели, в мало измененном виде вплоть до восстания Роберта Кета в середине XVI в., идеал аграрного коммунизма в своем объективно историческом содержании воплощал не что иное, как защиту крестьянского землевладения от вторжения в него «власти» и «интересов» манориальных лордов и манориального права, то эгалитаризм конца XVI — начала XVII в., наоборот, отражал уже главным образом стремление безземельных и малоземельных слоев крестьянства, по существу уже вытесненных из деревни, хотя и остававшихся в ней, вторгнуться в «чужую» земельную собственность, чаяния о «черном переделе», одним словом, отрицание земельной монополии лендлордов¹³.

Этот новый крен традиционной на первый взгляд крестьян-

¹² К Маркс пишет об этом «Нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких адекватных условий, нигде не подчиняло себе эти условия до такой степени. Все исторически унаследованные порядки были беспощадно сметены» (К Маркс и Ф Энгельс Соч, т. 26, ч II, стр. 256).

¹³ Ср К Маркс и Ф Энгельс Соч, т. 16, стр. 419 «Промышленные рабочие могут себя освободить только при том условии, если превратят капитал буржуазии в общественную собственность. Точно так же и сельские рабочие могут избавиться от своей ужасающей нищеты только при том условии, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частного владения и обращена в общественную собственность».

ской идеологии свидетельствует, во-первых, о том, что в новых условиях ее носителем уже являлось не столько собственно крестьянство, сколько *плебейские, обезземеленные* массы, лишенные собственности и могущие вернуть ее только в результате перераспределения. Во-вторых, что юридические различия в держании (копигольд, фригольд), столь долго определявшие образ мыслей крестьян, все в большей мере должны были уступить свое место различиям имущественным, хотя первые все еще сохраняли важную роль в формировании этих мыслей. Наконец это новое содержание традиционно крестьянского эгалитаризма позволяет впервые увидеть в истинном свете историческую сущность всех движений первой половины XVII в., направленных против огораживаний. Из того факта, что главным действующим лицом этих движений были деревенские бедняки, коттеры, рабочие мануфактуры, всякого рода ремесленники, уже следует, что речь шла не только о защите общинного землепользования, из которого эти слои либо были уже вытеснены, либо постепенно вытеснялись, не только об отстаивании системы открытых полей (что, конечно, имело место со стороны надельных крестьян), в которых им принадлежало уже очень немного, а об отрицании ими прав лендлордов на захваченные общинные земли, о стремлении превратить их в крестьянское достояние. Следовательно, основным содержанием движений против огораживаний в XVII в. была борьба против юридической монополии лендлордов на общинные земли, т. е. борьба за тот земельный фонд, который все еще сохранял элемент видимости коммунального землепользования и тем самым являлся как бы живым отрицанием всей системы частной собственности на землю, неотвратимо надвигающейся и торжествующей над крестьянином.

В свете только что сказанного приобретает глубокий исторический смысл то обстоятельство, что термины «левеллер» и «диггер», которыми имущие классы в ходе революции 40-х годов обозначали сторонников политического и социального эгалитаризма в лагере революционной демократии, впервые возникли задолго до революции, во время крестьянского восстания 1607 г., вызванного новой волной огораживаний в центральных графствах Англии¹⁴. В свете этой генетической линии, установленной самими современниками, совершенно по-новому раскрывается как содержание восстания диггеров (*digger revolt*) 1607 г., так и диггерского движения 1649 г. «Левеллер» 1607 г. это не просто тот, кто «сравнивает», сносит изгороди, возведенные на некогда общинной земле, как и «диггер» 1607 г. это не просто тот, кто засыпает, закапывает рвы и ка-

¹⁴ E Gay The Midland Revolt In «Transactions of the Royal Historical Society», v XVIII, p 214

навы, которыми обносились огороженные земли¹⁵. Левеллерами и диггерами в 1607 г. нарекли тех, кто вторгался в чужую собственность с целью ее передела, разрушая ее границы, отпирая эти границы, захватывая и явочным порядком обрабатывая в свою пользу эту собственность¹⁶. Вот почему в глазах лендлордов они смертельные враги частной поземельной собственности, манориального строя. Иначе говоря, термин «левеллер» 1607 г. не равнозначен тому же термину 1647 г. Только на почве аграрной борьбы он приобретал единственно достоверный, эгалитарный смысл, равнозначный смыслу термина «диггер».

Только такое истолкование родословной революционных радикалов 40-х годов объясняет, почему слово «левеллер» было столь одиозным в глазах всех «респектабельных собственников», почему оно неустанно повторялось в адрес всех, кто выступал от имени народных низов, несмотря на многочисленные протесты со стороны тех (в частности, со стороны Лильберна и его соратников), кого стремились пригвоздить таким образом к «позорному столбу». Стигмат «левеллер» был лучшим средством восстановить против них всех носителей «частного интереса» в стране.

Итак, в горниле классовой борьбы наиболее обездоленных слоев крестьянства против буржуазно-дворянского аграрного переворота, в идейной атмосфере возрожденного и переосмысленного традиционного «крестьянского коммунизма» средних веков с его эгалитарными устремлениями и мечтаниями о «земле без господина» родилась *крестьянско-плебейская аграрная программа* революции 40-х годов. Историческое своеобразие этой программы заключалось в том, что в ней органически слились цели крестьянского, антифеодального переворота, так сказать отрицательное содержание идеала равенства, с неизбежно туманными и примитивными чаяниями плебса о социальном переустройстве общества на началах коллективной собственности и коллективного труда, с идеалом равенства положительного.

Таковыми рисуются нам подлинные истоки идеологии социальных уравнивателей 40-х годов XVII в.

* * *

Развитие буржуазной революции 40-х годов, как и любой из ранних революций, можно представить в виде снежной ла-

¹⁵ См. И. Попов-Ленский. Лильберн и левеллеры М., 1928, стр. 158.

¹⁶ В письме от 11 июля 1607 г. граф Шрусбери, рассказывая о подавлении восстания в Норсемптоншире, между прочим сообщает: «Имени мистера Томаса Трешэм, где деятельно вскапывали землю около тысячи человек, именующих себя левеллерами...» В одной из петиций восставших мы читаем: «Диггеры Уорвикшира ко всем прочим диггерам... Составители его именуют себя «бедными копателями» (delyers) (см. E. Gay. Op. cit., p. 214).

вины: ее сила нарастает по мере захвата все более глубоких слоев¹⁷. Это хорошо сознавали классы-союзники, осуществлявшие гегемонию в борьбе с абсолютизмом Стюартов. Для того чтобы привлечь на свою сторону пришедшие в движение народные низы, они, с одной стороны, красочно расписывали ужасы гнета и тирании, олицетворявшиеся правопорядком, против которого они подняли оружие, а с другой — декларировали абстрактные «общечеловеческие» права и «свободы», призывая «народ» с оружием выступить на их завоевание¹⁸.

Приведем лишь один пример такой «совершенно искренней» демагогии классов-союзников. В канун сражения под Эджилем 21 октября 1642 г. Джон Гудвин писал в памфлете под характерным названием «Антикавалеризм» следующее: «Если вы,— обращался он к солдатам парламента,—выдержите лишь одну эту атаку, предпринимаемую против вас [королем]... вы в ключья разорвете путы и сбросите их с себя навеки; вы получите свободу для себя, для своих детей и детей детей, такую долю этого драгоценного наследия, о котором мы говорим, которую они [враги] никогда не смогут отнять... Если вы дадите себя убедить быть мудрыми людьми... вы навсегда станете людьми, [живущими] в довольстве и мире»¹⁹.

Классы-союзники хорошо осознавали всю мобилизующую роль подобного рода публицистики. Об этом свидетельствует широко развернутая памфлетная война с королем, предшествовавшая и сопровождавшая первую гражданскую войну²⁰.

Вместе с тем очевидно, что они в те дни плохо представляли себе все роковые для своей гегемонии последствия этого осуществлявшегося парламентскими публицистами и теоретиками (Паркером, Принном, Гудвином и др.) политического просвещения широких масс²¹. Оружие это оказалось поистине обоюдоострым, ибо оно будило сознание масс, сеяло несбыточные надежды и иллюзии. О том, как широкие народные массы вос-

¹⁷ Ср. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 277. «Всякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс».

¹⁸ Впоследствии, в 1648 г., это было очевидно даже умеренному проповеднику Седжвику. «Вы,— писал он, обращаясь к парламенту,—повинны в лицемерии и обмане: увидев стремление народа к реформации (т. е. революционным переменам.— М. Б.), [объявили себя] большим ее сторонником, чтобы удержать народ в верности и тем самым получить преимущество перед своими врагами. Вы присвоили себе лозунг «Дело бога и реформации», не питая любви к нему, не зная, как его осуществить» («The leaves of the tree of life for the healing of the Nation», 1648, p. 20).

¹⁹ John Goodwin. Anti-Cavalierism. Oct. 21, 1642.

²⁰ См. В. Ф. Семенов. Памфлетная война. «Уч. зап. МОПИ», т. 16 (1950 г.)

²¹ Уже в 1640 г. в «The case of Shipmoney» Паркер поучал: «Высшим из всех человеческих законов является благо народа». О памфлете Паркера «Observations upon some of his majestys late answers» (1642) Джон Спелман заявил: «Ни одна книга не сделала так много, чтобы взбудоражить простолюдинов».

принимали эту парламентскую пропаганду, впоследствии расскажет нам Джерард Уинстенли. Суть его рассказа глубока и проста: «Вы призывали нас помочь вам драгоценностями, налогами, солдатскими постоями и нашей жизнью... обещая нам именем всевышнего сделать нас свободным народом»²².

Таким образом, пока шла борьба с королем, олицетворявшим основную причину общенародных бедствий, иными словами, пока декларированные цели борьбы были достаточно широки и неопределенны, чтобы включить в себя все перекрещивающиеся, противоречивые и нередко прямо противоположные цели различных общественных слоев, объединившихся под знаменем парламента, мы почти не слышим голоса собственно народных масс. Однако совершенно неверно было бы полагать, что в эти годы они только, как гласит известный афоризм, «сражались и молились». Кроме того, они еще осмысливали происходящее и высказывали вслух свои суждения о нем.

Косвенным указанием на содержание их дум может служить реакция со стороны представителей буржуазно-дворянского блока. Эсквайр Стренджуэйс, выступая против билля «о корнях и ветвях», так объяснял в Палате общин грядущую в нем угрозу: «Если мы установим равенство в делах церкви, нам придется установить равенство в делах государства»²³. Еще более откровенно эти опасения выразил член Палаты общин поэт Эдмунд Уоллер: «Наши законы и современное церковное устройство перемешаны, как вино и вода. Я смотрю на епископат, как на надежное укрепление, оплот, и говорю себе, что если оно будет разрушено, то будет разоблачена тайна, что мы ни в чем не можем отказать народу»²⁴.

Итак, угроза, исходившая от народных низов уже в самом начале революции, воспринималась верхами как угроза уравнения, угроза народовластия.

Поскольку революционная демократия в Англии 40-х годов не являлась чем-то однозначным и неизменным, а развивалась и менялась вместе с переходом революции от одного этапа к другому, постольку и форма выражения чаяний народных низов развивалась и видоизменялась.

Этот процесс, в конечном счете самый интересный и важный для целей настоящего исследования, может быть изучен, к сожалению, только по косвенным данным, т. е. только в той степени, в какой он отразился в идеологической борьбе политических партий в лагере парламента. Даже в тех случаях, когда о чаяниях масс говорят левеллеры, претендующие на представительство их интересов, или когда они изложены в петициях, адресованных лондонским властям, перед нами лишь

²² G. Winstanley. A letter to the lord Fairfax.— Works. Ed. Sabine, p. 281.

²³ The Good old Cause. Ed. Ch. Hill and Edm. Dell London, 1949, p. 225.

²⁴ Ibid., p. 182.

переложение этих чаяний на легальный, сообразующийся с господством церкви язык. Следует иметь в виду, что все жалобы народных низов (безразлично, разоблачают ли они правонарушения или притеснения со стороны властей) имеют скрытый подтекст, который (в случае если бы он был сформулирован) мог бы в свою очередь служить доказательством, подтверждающим правительственную пропаганду, зато в народных низах зрело устремление, как того опасались, нарушить господствующий правопорядок. Разница «только» в том, в чью пользу это «право» в каждом из указанных случаев нарушалось.

Поэтому политическая реакция имущих классов на жалобы народа является более адекватным указанием на существование и суть подспудных устремлений низов, чем декларации и публицистика самих левеллеров. И пусть имущие классы несправедливо упрекали левеллеров в том, в чем они в действительности не были повинны, нам важен ответ на вопрос: в чем их обвиняли и подозревали, ибо это, в свою очередь, поможет уяснить, в чем нуждались низы, от имени которых левеллеры выступали.

Итак, зеркалом, отражающим процесс формирования политического и социального самосознания народных масс, является постепенное «уточнение», конкретизация провозглашенных поначалу целей революции, которая происходит по мере ее развития²⁵ и которая составляет стержень идеологической борьбы в лагере парламента.

Несомненно, что в период первой гражданской войны чаяния народных низов выражались индипендентами и, в частности, олицетворялись военной политикой Кромвеля, стремившегося достичь скорейшей и решающей военной победы над королем в противовес приверженцам политики «ни значительных побед, ни крупных поражений». Вот почему все «люди духа», убежденные сторонники парламента, собирались под знамена Кромвеля²⁶ и затем — в армии «нового образца». И если эта армия стала к весне 1647 г. центром борьбы за углубление буржуазно-демократической революции, то это объясняется тем, что в ней была создана обстановка революционной демократии (во имя победы над роялистами Кромвель вынужден был ее допустить²⁷), благодаря которой солда-

²⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 277.

²⁶ W. Abbot Writings and Speeches of Oliver Cromwell, v. 1, p. 215.

²⁷ Вспомним известные слова Кромвеля: «Я предпочитаю простоватого капитана в грубошерстном кафтане, который знает, за что он сражается, и любит то, что осознал, тому, кого вы называете джентльменом и который из себя ничего не представляет» (W. Abbot. Op. cit., v. 1, p. 256) Не менее известны его слова из письма генерал-майору Крауфорду: «Сэр, государство, отбирая людей на службу ему, считает достаточным... если они желают верно служить. Я прежде уже советовал вам считаться с людьми, которые придерживаются мнений, отличных от ваших собственных. Если бы вы следовали это-

ты впервые в истории почувствовали себя ответственными за судьбы народа и страны. «Когда я прибыл в армию,— писал пресвитерианский проповедник Ричард Бакстер,— я нашел в ней положение, которое никогда и не снилось.. сектанты достигли здесь высочайших должностей и являлись любимцами Кромвеля.. Я обнаружил, что они считают короля тираном и врагом и на самом деле (!) намерены его полностью разгромить, считая, что если они могут сражаться против него, то могут и убить его или взять в плен.. они считают, что каждый человек может не только исповедовать, но и проповедовать что ему угодно»²⁸.

Но тот самый антикавалеризм, к которому всего лишь два года тому назад призывал солдат Джон Гудвин, воплотившись в революционную решимость простонародья, одетого в армейские кафтаны, покончить с королем в открытом бою, вызывал теперь ярость и смутение пресвитерианского главнокомандующего графа Эссекса. «Так это та самая свобода,— восклицал он в палате лордов,— которую мы защищаем нашей (!) кровью.. так в том и будет заключаться награда за все наши труды, чтобы наши потомки заявили, что для того, чтобы освободить их из-под гнета короля, мы их подчинили власти простого народа»²⁹.

На первый взгляд реакция малообъяснима. Ведь цели народных масс, в данном случае солдат, как будто в основном еще совпадали с целями самого парламента. Откуда же страх перед ними, эта навязчивая мысль о крамоле, мятеже, заговоре, невидимо зреющих среди них? Однако стоит только вспомнить развернувшиеся с созывом Долгого парламента крестьянские движения³⁰, волнения среди городских низов³¹, множество проявлений «революционной самостоятельности» масс в городах и деревнях³², чтобы понять, что *растущий консерватизм парламентских верхов — свидетельство растущего радикализма народных низов.*

му совету, я думаю, вы не встречали бы столь многих препятствий на пути продвижения [вашей части]» (W. Abbott Op. cit., v. 1, p. 264). Ср. W. Sedgwick. Op. cit., p. 21: «Когда вы [парламент] нуждались в армии. вы приняли пресвитерианство Шотландии. Когда же вы нуждались в помощи деятельных людей, вы закрывали глаза на различия в их суждениях... Они принесли с собой свободу совести».

²⁸ См. A. Woodhouse. Puritanism and Liberty, 1938, p. 388.

²⁹ JHL, vol. VIII, p. 78.

³⁰ Наиболее примечательным с этой точки зрения является выступление крестьян против огораживаний во владениях самого Эссекса в Гернфордшире в 1642 г. (См. Hist MSS Comm V, report, p. 38).

³¹ The good old Cause, p. 286—288.

³² «Mercurius Rusticus» (1646) сообщает, что Chelmsford управляется «двумя портными, двумя сапожниками, двумя торговцами в разнос» (цит. по D. Petergor'sky. Left-wing democracy. London, 1940, p. 88).

Именно на этой основе, а не на почве превратностей личной судьбы Лильберна, как это еще нередко изображается³³, сложилась партия левеллеров, само появление которой не только свидетельствовало о расколе до того единого крыла индипендентов, но и — что самое важное — о начале нового этапа в развитии и углублении революционной демократии.

Как и идеология демократического движения в армии «нового образца», так и идеология левеллеров являлась лишь своего рода «средней равнодействующей» этого радикализма. Но именно поэтому чаяния наиболее обездоленных слоев народа по существу не нашли ни в той, ни в другой своего прямого отражения. Однако это вовсе не значит, что при анализе содержания публицистики левеллеров можно отвлечься от этих чаяний, иными словами, что социальные и в особенности эгалитарные тенденции в идеологии и движении народных низов не оказывали значительного влияния на эволюцию воззрений и политической тактики общепризнанных вождей левеллеров в 1647—1649 гг.³⁴

К сожалению, с этой точки зрения история левеллеров даже в марксистской историографии еще не исследовалась³⁵. Между тем очевидно, что это позволило бы совершенно по-новому осмыслить не только отдельные страницы этой истории, но и всю проблему революционного радикализма 40-х годов в целом. Сосредоточение внимания историков почти исключительно на памфлетах Лильберна и его единомышленников необходимо приводит к односторонней и неизбежно ограниченной трактовке содержания левеллеровского движения в 1646—1648 гг., так как вне поля зрения остаются такие материалы, как народные петиции и жалобы, судебные документы по делам участников народных движений, наконец, публицистика левеллеров, не примкнувших к Лильберну, но чьи воззрения подчас намного демократичнее и радикальнее социальной идеологии последнего.

Вот почему, именуя левеллеров 1646—1648 гг. *политически* левеллерами, мы редко сознаем, что под это название подходят лишь идеологи партии. Тем самым мы, страшно сужая проблему, игнорируем народные низы, следовавшие за ними. Очевидно, что до тех пор, пока эти низы не в состоянии самостоятельно указать причины своих страданий и сформулировать свои собственные цели в происходящей борьбе, они обычно следуют за теми политическими лозунгами, которые в каждый

³³ И. Попов-Ленский. Указ. соч., стр. 83 и сл.

³⁴ Ср., например, четыре редакции «Народного соглашения»

³⁵ В книге И. Попова-Ленского (см. указ. соч.) «социальный фон» существует сам по себе, а левеллеры — сами по себе. Если что-либо и эволюционирует, то это только воззрения Лильберна, весьма, кстати, далекие от этого «фона».

данный момент наиболее созвучны этим целям. Этим и только этим объясняется, почему в 1642—1645 гг. революционную демократию олицетворяли индипенденты Кромвеля, а в 1646—1648 гг. — левеллеры типа Лильберна. Однако, как уже отмечалось, Лильберн и его соратники (как в свое время Кромвель и индипенденты) только выражали «среднюю равнодействующую» этих целей, но не их совокупность.

Имея в виду только что сказанное, нетрудно прийти к заключению, что левеллерское движение с самого начала было и более сложным по своему составу и более многогранным по своему содержанию, чем это нередко представляется³⁶. И если одна из сторон этого содержания получила настолько преобладающее значение, что заслонила от взора исследователей все другие стороны, то это вовсе не значит, что она одна только и существовала³⁷.

Итак, проблема заключается в том, чтобы попытаться обнаружить те элементы социального самосознания, а значит и протеста народных низов в 1646—1648 гг., которые прорывались на поверхность идейной борьбы помимо левеллерской публицистики и в ней самой и которые свидетельствовали о зарождении идеологии истинного левеллерства как идеологии подлинно антагонистической целям классов — союзников в революции.

* * *

Уже на завершающем этапе первой гражданской войны начинают появляться признаки обострения социального недовольства народных масс, выражающиеся в постепенном осознании ими односторонней, классово-эгоистической политики парламента. Так, в памфлете, озаглавленном «Всеобщая жалоба наиболее угнетенных и бедствующих общин Англии, жалующихся и возмущающихся тиранией несменяющегося парламента в Вестминстере» (1645), мы читаем: «Мы, верившие в вашу искренность, избрали вас в качестве наших защитников и ходатаев (proctors)... мы доверили вам все, что имели, однако мы не предполагали, что вы нас обманете во всем. Мы доверили вам охранять наш мир, а не ввергать нас во всеобщую и кровавую войну. Мы доверили вам наше имущество, вы же ограбили и разорили (undon) нас. Мы доверили вам наши свободы, вы же обрушили на нас рабство и неволю; мы доверили

³⁶ Ср. Английская буржуазная революция XVII в. Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого, т. I, М., 1954, стр. 275 и сл.

³⁷ Именно потому, что растущий консерватизм «шелковых» индипендентов ставил под угрозу осуществление «Народного соглашения», борьба левеллеров с грандами вылилась на переднем плане в политическую контроверзу. Народные же низы интересовались не только и не столько вопросами конституционными, сколько социально-имущественными.

вам наши жизни, вы же нас убиваете ежедневно... Итак, [под предлогом]... борьбы за наши свободы вы нас лишили их. Вы сражались за евангелие, [на деле же] ограбили церковь, вы стремились разрушить страну и вы ее разрушили»³⁸.

Перед нами яркий пример кристаллизующегося самосознания народных низов, которым открылась враждебность парламента их интересам и увидевших глубокую пропасть между декларированными целями борьбы и осуществляемой парламентом политикой. При этом совершенно неважно, что для масс обман — всегда *сознательный* обман, а невыполнение обещаний — лишь разоблаченное лицемерие. Они судят о событиях только по их результатам.

Однако даже эти слабые ростки социального самосознания низов, пробивавшиеся наружу в пору крушения основ традиционной власти и закона, когда пришедшие в движение народные массы, казалось, готовы были прорвать зыбкую плотину смирения и послушания, вызвали среди имущих, и в первую очередь среди дворянства, великий страх, подобный «grand peur» во Франции во время Французской революции, — страх перед угрозой появления нового Уота Тайлера или Роберта Кета, с которыми связывалась угроза уравнительного «аграрного закона» (lex agraria).

Такая угроза, например, еще в 1641 г. представлялась вполне реальной упомянутому же Эдмунду Уоллеру, заявившему в палате общин: «Я уверен, что, когда потребуют равного распределения земли и имущества (!), для доказательства справедливости этого требования будет приводиться столько же цитат из библии, сколько теперь приводится против духовенства»³⁹.

Приблизительно в то же время философ Томас Гоббс без сарказма заметил: «Богачи теряют голову при одной только мысли о возможности быть ограбленными»⁴⁰. Наконец, у нас имеется свидетельство самого Кромвеля, заявившего в беседе с Эдмундом Ледлоу: «Как только мы начинаем говорить о необходимости реформы права, юристы тотчас же начинают вопить, что мы хотим разрушить собственность»⁴¹.

Нас не должен удивлять тот факт, что господствующим классам было выгодно принимать потенциальную угрозу за реальную, считать зачастую даже не осознанную до конца социальную тенденцию обездоленных низов за отчетливо

³⁸ The general complaint of the most oppressed, distressed commons of England, complaining to and crying out upon tyranny of the perpetual parliament of Westminster (1645). Цит. по: D. Petegorsky. Left-Wing democracy. London, 1940, p. 75.

³⁹ The Good old Cause, p. 182.

⁴⁰ T. Hobbes. Behemot (ed. P. Tönnies). London, 1889, p. 142.

⁴¹ Edm. Ludlow. Memoirs. Oxford, 1894, v. II, p. 145.

выраженную цель каждого народного выступления. Такова логика классовой борьбы. Несомненно, однако, что накал социальных противоречий должен был быть очень сильным, а опасность открытого выступления низов очевидной, если власть имущим в каждом инакомыслящем мерещился анабаптист, а в каждом анабаптисте — отроде Иоанна Лейденского. Так, например, о Генри Мартине, выказавшем себя республиканцем задолго до левеллеров, Клемент Уокер писал: «Он объявил себя сторонником общности имущества и жен и восстает против короля, лордов, джентри... и даже против самого парламента, отогревшего на своей груди эту змею, а также против всякой власти вообще. Подобно второму Уоту Тайлеру...»⁴².

Уже в 1646 г., когда социальная программа Лильберна сводилась по существу лишь к двум требованиям: отменить монополии и заменить косвенные налоги прямым налогом, иными словами, когда его общественный кругозор не выходил за пределы кругозора «людей среднего состояния»⁴³, уже существовали и пропагандировались учения, не только неизмеримо более радикальные, но и откровенно эгалитарные, т. е. учения, которые до конца жизни этого главаря «политических левеллеров» оставались чуждыми его мировоззрению.

Памфлет «Mercurius Rusticus» следующим образом передает содержание поучений «ремесленных проповедников» (mechanicks preaches) в графстве Эссекс, поучений, свидетельствующих о наличии в Англии широкого, хотя и подспудного течения истинного левеллерства уже в первые годы революции. «Они наставляют... — возмущается анонимный автор, — что отношение господина и слуги не имеет ни основания, ни оправдания в Новом завете, а скорее наоборот... то, что один человек должен иметь тысячу фунтов годового [дохода], а другой не должен иметь и одного фунта... а должен жить в поте лица и трудиться прежде чем есть, — не имеет оснований ни [в законах] природы, ни в Писании... Что простой народ, удерживавшийся до этих пор в темноте и невежестве, долгое время соглашался жить [на положении] слуг, более того — рабов у знати и джентри. Однако бог открыл теперь его глаза и указал ему на христианскую свободу. Поэтому настала пора, чтобы знать и джентри или прислуживали своим слугам, или по крайней мере содержали себя собственным трудом. [Ибо], если они не желают работать — да не едят (if they will not Work they ought not to Eate)»⁴⁴.

Неудивительно, что парламент уже с осени 1646 г. обсуждал, а в феврале 1647 г. принял постановлением обеих палат специальный ордонанс, преследовавший цель пресечь дальней-

шее распространение подобных «ересей», так как из-за «отвратительных богохульств и проклятых ересей, изобретаемых и распространяемых по стране, государство находится в гибельном состоянии»⁴⁵.

Таким образом, очевидно, что, если мы хотим обнаружить идеологию народных низов, мы должны вырваться из плена иллюзий, создаваемых публицистикой Лильберна и его соратников, будто бы вплоть до конца 1648 г. существовало лишь одно единственное направление оппозиционной индипендам общественной мысли в лагере революции, направление, представленное так называемыми политическими левеллерами. На самом же деле очевидно, что идеология истинного левеллерства, чаще всего еще не освободившегося от религиозной фразеологии, зрела в недрах революционных сект параллельно с направлением мысли Лильберна. Истина заключается в том, что эта идеология с самого начала первой гражданской войны являлась не осознанной ее носителями подосновой революционной демократии 40-х годов; более того, она предшествовала ей, как и самой революции.

Было бы, однако, ошибочно предполагать, что идеология так называемых политических левеллеров, взятая в целом, оставалась совершенно невосприимчивой ко все нараставшему социальному протесту плебейских масс; что их чаяния не нашли в ней своего косвенного преломления. С этой точки зрения, в публицистике левеллеров отчетливо различаются две тенденции: правая (умеренная), представленная Лильберном и Уайльдманом, и левая (радикальная) в лице Уолвина и частично Овертона. Если для первых проблема пауперизма в плане теоретическом вовсе не существовала, а в плане практическом — разрешалась лишь в виде той или иной системы «вспомоществования бедным», то для вторых бедность трактуется как признак несправедливости существующего общественного строя, его осуждения и вытекающего из этого требования коренного переустройства. Иными словами, для последних существовал вопрос о социальных основаниях справедливости, а не только о юридических гарантиях ее. Недаром анонимный памфлет именуется Уолвина главным анабаптистом и сравнивает его с Томасом Мюнцером⁴⁶.

В памфлете «Сила любви»⁴⁷, изданном в 1643 г. и, по общему мнению исследователей, принадлежавшем перу Уолвина⁴⁸, проблема богатства и бедности, хотя и в религиозно-эти-

⁴⁵ Ордонанс относительно роста и распространения заблуждений, ересей и богохульств и об установлении дня для публичного покаяния, дабы искать содействие господа в подавлении и предупреждении этого. Acts and ordinances of the puritan revolution (ed. Firth and Raith), v. 1, p. 913

⁴⁶ C. Schenk. The concern for social justice London, 1948, p. 41

⁴⁷ На титульном листе значится: «Написан одним из „семьи любви“».

⁴⁸ C. W. Haller. Tracts on Liberty (1934), v. 1, p. 273.

⁴² C. Walker. History of independency, p. 1, p. 136

⁴³ I. Lilburn. England's Brith-right justified (1645), p. 45.

⁴⁴ Mercurius Rusticus (1646). Цит. по: D. Petegorsky. Op. cit., p. 88.

ческом плане, поставлена уже весьма остро: «Оглянитесь вокруг и вы обнаружите в эти скорбные дни тысячи бедных, обездоленных, умирающих с голоду, заключенных [за долги] христиан; смотрите, как бледны и истощены их лица, как неприглядна, холодна и поношена их одежда; поживите одну неделю с ними в их бедных жилищах, спите, как они спят, питайтесь, как они питаются, не чаще и с таким же трудом, как они, доставайте пищу для больных жен и умирающих с голоду детей... затем оставьте их и оглянитесь вокруг: какое изобилие всего необходимого и как бравируют многие мужчины и женщины, имеющие обилие всего, что только можно вообразить; заметьте также бесчисленное множество тех, кто имеет более, чем достаточно... Взгляните на них попристальнее, не обладают ли они мирским богатством — шелками, бобровыми [шубами], [золотыми] кольцами... Конечно же. И не обнаружится ли тогда, что в сравнении с нуждами и страданиями бедных они лишены [лишь одного] — любви к Господу. К чему же стремитесь вы [скажет кое-кто]? Хотите ли Вы, чтобы все вещи были общими (all things Common)? Любовь не ищет ничего для себя, кроме добра для других. Вы говорите истину: это и есть доктрина апостолов...»⁴⁹.

Поскольку у Уолвина с самого начала ощущение социальной несправедливости существующего строя было намного острее, чем у Лильберна, то неудивительно, что в то самое время, когда Лильберн не расставался с «Институциями» Кока, а в «Великой Хартии» усматривал «превосходное изложение» народных свобод, Уолвин уже в середине 40-х годов перестал считать систему общего права действительной гарантией гражданской свободы⁵⁰ и обратился к праву естественному, т. е. к теоретическому признанию и обоснованию изначального равенства людей. В памфлете «Плачевное рабство Англии», изданном в октябре 1645 г. и с значительной долей вероятности приписываемом Уолвину⁵¹, мы читаем: «Заметьте, что Великая Хартия является лишь частью тех народных прав, которые только в результате длительной борьбы были ценою крови наших предков вырваны из лап королей, завоевавших силой нашу страну... и террором (by a strong hand), удерживавших ее в рабстве. Великая Хартия ни в малейшей степени не ставит своей целью свободу [народа]. Это чечевичная похлебка наших прирожденных прав. Не называет ли парламент рабство свободой, а дарованное завоевателем — прирожденным правом»⁵².

Несравненно большая острота в постановке и трактовке социально-политических вопросов Уолвином по сравнению со взглядами господствующего в левеллерском движении середины 40-х годов течения Лильберна — факт широко признанный уже современниками, что обнаруживается хотя бы в том, что именно Уолвину приписывается авторство большинства левеллеровских петиций, составленных от имени угнетенных низов народа и, естественно, отличавшихся значительно большим радикализмом чем левеллерская публицистика в целом⁵³.

Нам представляется, что для истории радикального течения левеллерской мысли в Англии 40-х годов XVII в. памфлет «Цели Уолвина», опубликованный в 1649 г. от имени группы баптистских проповедников во главе с Киффином, имеет гораздо большее значение, чем ему придавалось до сих пор. В самом деле, исследователей, обращавшихся к нему, занимал почти исключительно один вопрос: насколько обвинения, выдвинутые в нем против Уолвина (что он многоженец, опасный интриган, атеист и коммунист), отвечают действительности. В результате одни исследователи, как, например, Бернштейн, почти целиком и полностью соглашались с Киффином и его собратьями по перу⁵⁴. Другие, как, например, Франк⁵⁵, больше полагались на ответы самого Уолвина и выступившего в его защиту Брука, естественно, отрицавших хулу врагов.

В действительности же значение этого источника заключается в том, что из него мы лишний раз узнаем о широком круге социальных идей и устремлений, существовавших в левеллерском движении изначально и подспудно и почти не находивших отражения в публицистике Лильберна и его соратников. Поэтому для нашей цели вовсе не важно, разделял ли Уолвин все воззрения, приписывавшиеся ему «обличителями», или нет, важны сами эти воззрения, хотя то, что они связывались прежде всего с именем Уолвина, а не с именем кого-либо другого, нельзя, конечно, считать случайным.

Если отвлечься от личных качеств Уолвина, как они описаны Киффином, то останется его социальная доктрина, в изложении авторов памфлета. Суть ее заключалась вкратце в следующем. Уолвин якобы постоянно подчеркивал в своих беседах «диспропорцию и неравенство в распределении земных благ (things of life) между людьми: «Какая это несправед-

⁵³ Walwyn's Willees—W Haller Op cit, v 1, p 309 Cp Pease. Op cit, p 160.

⁵⁴ Эд Бернштейн Радикализм и социализм в английской революции. М., 1924, стр. 87

⁵⁵ J Frank. The levellers, p. 248.

⁴⁹ C W Haller Op cit, v 1, p 274

⁵⁰ J Lilburn England's Birth-right Justified (1645), p 8

⁵¹ T C Pease The Leveller movement Washington, 1916, p 118

⁵² England's Lamentable Slavery (1645), p 4—5 in W. Haller Op. cit.

ливость, что один обладает тысячами, в то время как другой лишен хлеба, ибо богу угодно, чтобы все люди обладали достатком (should have enough), а не чтобы один, скопив мирские богатства, жил в роскоши, а другой, гораздо более ее заслуживающий и достойный, не имел бы и двух пенсов». Так, «беседуя относительно неравенства и диспропорции состояний и условий [жизни] людей», Уолвин будто заявил, что он всем сердцем желает, чтобы во всей стране не существовало ни изгородей, ни частоколов, ни рвов. «Не будет хорошо до тех пор, пока все вещи не будут общими (until all things were in Common); тогда не будет ни воров, ни жадных людей, ни тяжб, ни злоупотреблений. Отпадает необходимость в постоянных чиновниках, в судьях, ибо, если возникнет какая-либо ссора или будет совершено уголовное преступление, пусть призовут сапожника из его мастерской или мясника из его лавки, или любого другого ремесленника и пусть он выслушает дело и затем вернется к своим занятиям»⁵⁶.

Далее Киффин и его соавторы сообщают, будто Уолвин постоянно указывал на то, что парламент не обращает никакого внимания на страдания бедных, между тем как «все великие дела, которые были совершены ради парламента, были делом рук «низшего сорта людей»⁵⁷, что при замещении должностей предпочитают исключительно богатых и знатных, что парламент сохранил десятину, увеличивает налоги, разделил между своими членами конфискованные земли и общественную казну, переложив все тяготы на плечи бедных»⁵⁸.

Все в речах Уолвина, по мнению его хулителей, клонилось к тому, будто «люди низкого происхождения (men of low and mean birth), воспитания и состояния» являются единственной опорой парламента (the only well-affected party) и в то же время они наиболее угнетаются. Подобными речами он очень угождает «грубой и порочной толпе»⁵⁹. Таковы «главные темы их бесед»⁶⁰.

Последняя фраза очень многозначительна. Из нее следует, что Киффин приписал Уолвину повседневные жалобы и речи «низшего сорта» людей. И это естественно, так как именно Уолвин больше, нежели другие его соратники по партии, выражал свою солидарность с низшими слоями, причем он чаще выступал устно, нежели на бумаге⁶¹.

⁵⁶ Walwyn's Wiles.—W. Haller. Op. cit. p. 300—303.

⁵⁷ Ibid., p. 300.

⁵⁸ Ibid., p. 306.

⁵⁹ Ibid., p. 303.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid., p. 389. Киффин пишет, что Уолвин любит оставаться в тени, действуя незаметно ядом слов.

Хотя в своем ответе клеветникам «Справедливая защита Уолвина» автор отрицает приписывавшиеся ему коммунистические воззрения, тем не менее он достаточно смел, чтобы даже здесь признать социальное зло шауперизма в условиях республики. «Что же касается того,— читаем мы,— что я нахожу неправомерным то, что некоторые [обладают] изобилием, в то время как другие нуждаются в хлебе, то я истинно считаю это прискорбным фактом в столь плодородной стране...»⁶² И далее: «Я думаю, что одна из главных целей правительства обеспечить [такое положение], при котором те, кто не отказывается работать, были бы в достаточной мере обеспечены (should Live comfortably). Что же касается моего желания перевернуть мир, то это не мое дело»⁶³.

Хемфри Брук в своем ответе Киффину также считает, что обвинения по адресу Уолвина в атеизме и коммунизме ложны, но он при этом замечает, что возведены они умышленно, ибо, что может быть более одиозным, чем атеизм и коммунизм: первый вызывает негодование всех лицемеров, второй — всех богачей⁶⁴.

Определенное отражение социального протеста народных низов мы находим и в ряде памфлетов Овертона. Так, в написанном им «Представлении многих тысяч граждан» (июнь 1646) мы читаем следующие строки: «Вы — богаты, обладаете изобилием благ и ни в чем не нуждаетесь, однако к горестям бедных, ваших умирающих с голоду братьев, у вас нет никакого сострадания»⁶⁵. И хотя целью этой ремонстрации было обоснование довольно абстрактного левеллерского тезиса о том, что никто не может по праву быть подчинен власти, настолько произвольной, чтобы его поработить⁶⁶, тем не менее и в ней находим требование, в которое народные низы вкладывали вполне определенное социальное содержание — освободить их от нормандского рабства (под нормандским рабством они понимали все формы угнетения). Обращаясь к господствующим классам, Овертон писал: «Работа, которую вам надлежит проделать, наша работа, а не ваша собственная»⁶⁷. Уничтожение тягот — самое важное, что имелось с самого начала в виду.

И хотя сформулированное Овертоном в том же году природное право индивидуума гласило: «все люди равны по рождению и обладают равным правом на собственность и

⁶² Walwyn's Just defence.—W. Haller. Op. cit. p. 384.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ H. Brooke The charity of churchmen.—W. Haller. Op. cit. p. 332.

⁶⁵ R. Overton. A remonstrance of many thousands citizens (1646).—W. Haller. Op. cit., v. III, p. 365.

⁶⁶ Ibid., p. 333.

⁶⁷ Ibidem.

свободу»⁶⁸, т. е. содержало теоретическое обоснование не только политического, но и социального левеллерства⁶⁹, публицистика идеологов левеллеров ни в 1645—1646 гг., ни тем более позже и не думала делать социальные выводы из этой доктрины, расшифровывая «право на собственность», как «право на неприкосновенность собственности». Тем не менее их враги уже в 1646 г. сознавали, насколько подобные общие принципы опасны в условиях нарастающего брожения низов. Известный «изобличитель» сектантства пресвитерианин Эдвардс писал в третьей части памфлета «Гангрена» 28 декабря 1646 г.: «Я желал бы узнать у этих сектантов: составляют ли все мужчины, женщины и дети, родившиеся в Англии, т. е. мужчины-слуги, женщины-служанки, бедный люд (poor people) и нищие совместно с теми, кто принадлежит к лучшему кругу (better sort)... государство (the state)? Обладают ли они одинаковой суверенной властью над королем и парламентом?»⁷⁰

Этот каверзный вопрос, с точки зрения пресвитерианина, заданный в 1646 г. революционным сектантам, во многом предвосхитил аналогичный вопрос индепендентов, обращенный к левеллерам год спустя, во время прений в Пэтни.

* * *

К 1647 г., к началу буржуазно-демократического этапа революции, идеология партии левеллеров, чрезвычайно распространившаяся вширь, в частности в армии, с гораздо большей отчетливостью обнаружила то, что было и до того очевидно современникам,— свою неоднородность, свою глубокую внутреннюю противоречивость. Так, в «покаянном» памфлете, опубликованном в 1649 г. бывшим приверженцем левеллеров, Генри Денном, мы, между прочим, читаем: «Мы являлись гетерогенным телом, состоявшим из чрезвычайно разнородных частей, которые основывались на несовместимых принципах»⁷¹.

Необходимость апеллировать в поисках массовой поддержки к широким народным низам, преимущественно ремесленникам, мелким торговцам, подмастерьям и ученикам Лондона и прилегающих к столице графств, вызвала к жизни новую

⁶⁸ R. Overton. An arrow against all tyrants and tyranny (1646), p. 14.

⁶⁹ Конечно, Овертона меньше всего можно заподозрить в симпатиях к идее социального уравниательства. В том же памфлете мы читаем следующее: «Каждому индивидууму естественным правом (by nature) дана индивидуальная собственность (individual property), которая не может быть захвачена и в которую никто не [в праве] вторгнуться, ибо так же, как каждый является личностью (is himself), он наделен частной собственностью (self-proprietty), иначе он не может быть индивидуумом. Поэтому никогда другой не вправе лишить его без очевидного нарушения (violation)... самых принципов природы и установления справедливости» (R. Overton. An arrow...).

⁷⁰ Th. Edward's Gangraena, of a catalogue and discovery of many of the Errows... Цит. по Don M. Wolfe. Leveller manifestoes, p. 15.

⁷¹ M. Denon. The levellers designe discovered, 1649, p. 8.

форму политической публицистики левеллеров — народные петиции. В них идеологам левеллеров уже нельзя было по-прежнему витать в надклассовой выси «общечеловеческих» категорий «свободы» и «справедливости»⁷², тем более что некоторые соратники Лильберна, как мы могли убедиться, с самого начала обладали довольно острым восприятием социальной действительности, постепенно кристаллизовавшимся в социальные воззрения, весьма близкие к чаяниям народных низов. Чтобы эти петиции могли завоевать симпатии и поддержку широких масс, они должны были в той или иной степени отражать повседневные интересы и нужды не только сравнительно зажиточных, но и самых бедных и обездоленных слоев народа. Правда этот процесс усвоения левеллерами начатков социальной политики не привел к сколько-нибудь заметным сдвигам в их полностью сложившейся к этому времени политической доктрине. Тем не менее он имел своим результатом объединение под знаменем Лильберна не только средних классов, но и тех слоев, интересы которых остались им и многими его последователями так до конца и не понятыми и которые с течением времени оформились в самостоятельном движении истинных уравнивателей⁷³.

С тех пор основное противоречие в левеллерской идеологии заключалось в том, что, продолжая теоретически отстаивать статутарное право как важнейшую гарантию личной свободы и общественного блага, левеллеры — главным образом в петициях, составившихся от имени угнетенного народа,— все более решительно осуждали весь существующий строй, в том числе унаследованное общее право.

С одной стороны левеллеры усматривали тиранию главным образом в нарушении юридической процедуры, в актах произвола властей, в отсутствии свободы слова и т. д. и т. п., короче говоря, в сфере политико-правовой; с другой же стороны, сама логика массовой борьбы заставляла их все чаще нападать на сохранение системы монополий, церковной десятины, варварского долгового права, вопиющего пауперизма, т. е. говорить языком обездоленных. Это создавало у власть имущих твердую уверенность, что левеллеры 40-х годов преследуют те же цели, что и левеллеры 1607 г. В тех же случаях, когда идеологи левеллеров стремились доказать обратное, или, по крайней мере, пытались отмежеваться от захлестывавшей их стихии социального возмущения низов, враги обвиняли их в

⁷² См «совершенно абстрактный идеал справедливости» Лильберна, сформулированный в «England's Birth-right Justified», p. 44—45.

⁷³ Лильберн в 40-х годах неоднократно провозглашал себя защитником «людей среднего состояния и положения» («England's Birth-right Justified»). А в 1653 г. («The upright man's vindication») вынужден был признать, что его последователей можно было найти среди [людей] в заплатанных башмаках, наемных солдат, [людей] в кожаных и шерстяных передниках...»

сознательном лицемерии, в том, что за благовидными публичными декларациями скрываются разрушительные замыслы⁷⁴.

В действительности же единственная «вина» левеллеров заключалась в том, что они своей устной и печатной пропагандой пробуждали в народных массах сознание их угнетенности и внушали им, что они имеют прирожденное «право на свободу». Однако в чем это право заключается, народные низы ответили не вместе с левеллерами, но, по существу, через их голову⁷⁵.

Уже в одной из первых массовых левеллерских петиций, в так называемой «Смиренной петиции многих тысяч молодых людей и учеников Лондонского Сити» (15 марта 1647 г.), мы находим, наряду с отрицанием права вето за королем и лордами и, следовательно, с собственно левеллерским признанием палаты общин «верховой властью» в стране, длинный перечень социально-экономических требований, многие из которых несомненно отражали интересы народных низов⁷⁶. И среди них требования уничтожения церковной десятины, запрещения ареста неплатежеспособных должников, принятия мер для ликвидации в стране нищенства⁷⁷.

Однако, может быть, самым важным в этой петиции был вывод, сделанный ее составителями из левеллерского учения о прирожденных правах человека, а именно: «Самый незначительный (meanest) гражданин этого великого государства (Commonwealth) имеет прирожденное право (by birth) существовать в нем (a right of subsistence)»⁷⁸.

Право на «обеспеченное существование» — вот какой смысл вкладывали народные низы, говоря о «прирожденном праве» (birth — right) свободнорожденного англичанина.

Таким образом, как только левеллеры стали раскрывать свое понятие «свободы» от имени народных низов, они неизбежно вынуждены были свести его к проблеме материальных предпосылок свободы, иначе говоря, — к вопросу об общественном строе и отношениях собственности. Именно последнее имелось в виду, когда в том же году в адрес армии из той же среды раздавались вопросы: «Какое благо (what good) совершили для нас наши спасители?», «Чем наше положение улучшилось?» «являемся ли мы теперь более свободными, чем прежде?»⁷⁹. Процесс постепенного прозрения масс, как уже отмеча-

⁷⁴ См. протокольную запись конференции в Пэтни (A. Woodhouse. Op. cit., p. 282).

⁷⁵ Это хорошо понимали и наиболее дальновидные враги левеллеров, например Кромвель.

⁷⁶ The humble petition of many thousands.— W. Haller. Op. cit., v. III, p. 397—405.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ The case of the army.— W. Haller. Op. cit., p. 78.

лось, не мог не найти своего отражения в эволюции идеологии левеллеров. К осени 1647 г. социальная программа левеллеров, поскольку она имела в виду интересы народных низов, была окончательно сформулирована. Левеллерская публицистика наряду с перечисленными выше требованиями уже включала и такие, как снос изгородей и передача захваченных лордами общинных земель в пользование бедных⁸⁰, а также отмена косвенных налогов (акциза) на предметы первой необходимости⁸¹. И тем не менее очевидно, что эта программа не шла дальше частных социальных реформ и улучшений, оставляя в неприкосновенности господствующие в стране отношения собственности, существующий социальный строй.

Эта самая слабая и уязвимая сторона левеллерской идеологии, роковая для судеб левеллерского движения мелкобуржуазная ограниченность раскрывалась с предельной наглядностью в прениях в Пэтни осенью 1647 г.

Как известно, стержнем развернувшейся в ходе этой конференции идеологической борьбы между сторонниками левеллерских принципов Сексби, Уайльдманом, Рейнсборо и др., с одной стороны, и «шелковыми индепендентами» во главе с Кромвелем и Айртоном, с другой, являлся вопрос о цензе для избирателей в парламент, иными словами, вопрос о том, кто из граждан будет иметь право выбирать депутатов в палату общин. Левеллеры, как известно, в соответствии с их доктриной прирожденного права и народного суверенитета предложили ввести manhood suffrage, т. е. всеобщее избирательное право для мужчин. Шелковые же индепенденты (гранды), наоборот, потребовали установления имущественного ценза, который отстранил бы от выборов людей, «лишенных имущественного интереса» в данной местности, т. е. собственности, и поэтому опасный для судеб последней в качестве выборщиков в законодательный орган страны.

Заметим, что логика и классовая последовательность были с самого начала на стороне грандов, а отнюдь не левеллеров. (Ограниченность их доктрины «прирожденного права», если она не будет распространена и на сферу собственности, отмечали уже их противники в ходе прений в Пэтни), ибо первые связали в своей политической теории воедино понятия «собственности» и «власти», «имущественного интереса» и «конституционного права», на что оказались неспособны Лильберн и его последователи. Айртону — главному оратору грандов — не стоило большого труда раскрыть очевидную внутреннюю про-

⁸⁰ R. Overton An appeal.. (1647) «Все земли, в старину находившиеся в общинном пользовании бедных и ныне присвоенные и огороженные [отдельными лицами], впредь должны быть открыты снова для свободного общего пользования к выгоде бедных». Don M. Wolfe. Op. cit., p. 194.

⁸¹ Ibidem.

тиворечивость и логическую слабость политической концепции левеллеров. Неудивительно, что в ходе прений не гранды, а левеллеры оказались в тупике, так как им пришлось тут же, на конференции, договорить то, что оставалось неясным в их идеологии, вообще, и в проекте государственного устройства Англии — в «Народном соглашении», в частности. Несомненно, что инициатива в постановке вопроса о будущем устройстве страны принадлежала левеллерам. Вместе с тем нельзя отрицать и тот факт, что в ходе его обсуждения инициатива постепенно перешла к индпендентам, и это не только потому, что они господствовали в Совете армии, но и потому, что на их стороне была политическая последовательность и ясность классовой цели. В этом сказался тот факт, что левеллеры, будучи много радикальнее своих оппонентов в вопросах политической конституции страны, не смогли им противопоставить ничего принципиально нового в вопросах социального устройства, отношений собственности. На конференции в Пэтни впервые с такой силой и неумолимой логикой столкнулись и раскрылись различия между политической теорией индпендентов и левеллеров. Кроме того, эта конференция была поворотным пунктом в развитии самого левеллерского движения, ибо она обнаружила и выдвинула на первый план те различия, которые всегда, хотя подчас и незримо, существовали внутри его и которые заключались в принципиально различном отношении к социальным чаяниям народных низов в среде их идеологов.

Проанализируем с этой точки зрения прения в Пэтни.

Слабость и противоречивость левеллерских позиций сразу же разглядел Айртон, и именно здесь на этой почве решил им дать «генеральное сражение». Тезис, который он предложил в качестве платформы для дальнейшего обсуждения вопроса о государственном строе, был сформулирован приблизительно следующим образом. Не приведет ли ничем не ограниченное избирательное право к созданию правительства, готового вторгнуться в существующие отношения собственности в интересах неимущих?⁸² Стремятся ли к этому левеллеры? Как вообще они относятся к частной собственности? Наконец, как они представляют себе взаимосвязь между политическим и социальным строем страны?⁸³ «Вы хотите, — резюмировал свои вопросы к левеллерам Айртон, — держаться одного естественного закона. Но знайте же, что на основании его вы имеете не больше прав на данный или на какой-нибудь другой кусок земли, чем я; я в такой же мере, как и вы, волен захватить все необходимое для своего пропитания или для своего личного удовольствия»⁸⁴.

Айртон вынуждал левеллеров либо встать на почву гражданского «договорного» права и признать неприкосновенным строй частной собственности, либо, если они желают держаться естественного права, доводить его до логических пределов, т. е. до полного отрицания частной собственности и признания права каждого на равную долю благ страны, в которой он родился. Айртон справедливо упрекал своих оппонентов в том, что они формулировали свои представления о «справедливом» и «несправедливом» строе настолько неопределенно, что каждый «может вложить в них свое собственное содержание», в том числе и «люди, лишённые собственности». Он заканчивал восклицанием: «Я прихожу в ужас от тех последствий, какие может иметь подобное положение»⁸⁵.

Абсолютно очевидно, что тактика Айртона заключалась в том, чтобы либо заставить левеллеров открыто солидаризироваться с эгалитарными устремлениями народных низов и тем самым «скомпрометировать» себя перед лицом всех имущих, выступив в роли английских последователей Иоанна Лейденского, либо толкнуть их на открытое признание принципа незыблемости частной собственности и тем самым оторвать их от народных низов, превратив их в политический придаток грандов.

Реакция на этот до цинизма откровенный вызов Айртона со стороны различных течений левеллеров представляет без преувеличения огромный исторический интерес.

Уайльдман, представлявший на конференции направление Лильберна, не принял по существу этого вызова, уклонился от прямого ответа, предпочел отмалчиваться. Но это молчание было само по себе весьма красноречивым: оно свидетельствовало о том, что у этого направления не было сколько-нибудь законченной, а главное — принципиально отличной от индпендентов социальной программы.

Справедливо указав в начале конференции на то, что до сих пор ничего не сделано для народа, Уайльдман увидел средство удовлетворения народных жалоб в «Народном соглашении»⁸⁶. Однако в первой редакции «Соглашения», как известно, вопросы об отношении к существующему строю собственности были полностью обойдены⁸⁷. Предлагая изменить политическую конституцию страны, левеллеры считали, что тем самым они создают гарантию «всеобщего блага» на основе уже существующих в стране отношений собственности. Напрасно Айртон и вслед за ним некоторые современные нам исследователи пытались истолковать это молчание как сокрытие до поры до времени каких-то «опасных» замыслов и планов. Смысл его представляется

⁸² A Woodhouse Op cit, p. 282.

⁸³ Ibid, p. 54.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibid, p. 71

⁸⁶ Ibid, p. 53

⁸⁷ Ibidem.

совершенно иным: оно являлось свидетельством отсутствия у левеллеров ясного представления о неразрывной связи между политической конституцией и социальным строем, и что самое важное, свидетельством молчаливого признания, что у них нет своей социальной программы, принципиально отличающейся от программы трандов. Тем самым левеллеры молчаливо признавали неизбежность результатов совершившегося в стране аграрного переворота в пользу классов-союзников. Это подтвердилось тут же, в ходе конференции, теми значительными уступками, которые левеллеры сделали индипендентам в вопросе об имущественном цензе как основе нового политического строя Англии⁸⁸.

Правда, на конференции в Пэтни проявило себя другое течение левеллерства, представленное Сексби и Рейнсборо, не боявшихся принять вызов Айртона и высказать свое отношение к принципу «неприкосновенности частной собственности».

Когда Айртон откровенно заявил: «Я не вижу достаточного основания признавать за каждым, кто родился в данной местности, права распоряжаться ее землями и имуществом...» и далее: «Раз представительство [в парламенте] не будет принадлежать исключительно тем, кто имеет постоянный местный интерес (т. е. собственность.— М. Б.) в Королевстве, мы несомненно дойдем до отмены собственности и всякого рода вещных прав»⁸⁹; когда Кромвель, лавируя, назидательно замечал левеллерам: «Мы утверждаем, что последствием ваших принципов будет анархия, [ибо], какая узда будет существовать, если вы уничтожите ту преграду, которая устраняет от голосования людей, не имеющих другой связи с местностью (т. е. лишенных собственности.— М. Б.) кроме права дышать»⁹⁰, только Рейнсборо устоял под давлением логики трандов.

Рейнсборо с самого начала безбоязненно признавал прирожденные права за последним английским бедняком, хотя и формулировал их в политических терминах. «Я полагаю, что перед беднейшим, как и перед наиболее зажиточным, стоит одна и та же задача — прожить свой век. Мне кажется неоспоримым, что всякий, находящийся под властью правительства, должен прежде всего своим согласием выразить готовность жить под началом этого правительства. И беднейший человек в Англии не обязан повиноваться власти, если он сам не принимал участия в ее создании»⁹¹.

«Я не вижу,— продолжал он,— чтобы господь требовал предоставления лорду права назначать двадцать депутатов в парламент, тогда как обыкновенный джентльмен выбирает двух,

а бедный человек — ни одного»⁹². Наконец, в ответ на повторные предостережения Айртона о том, что необходимо «считаться с собственностью»⁹³, Рейнсборо ответил фразой, которая ужаснула бы своей откровенностью Лильберна. «Я вижу, сударь, что нельзя добиться свободы, иначе как разрушив собственность... из-за чего, спрашивается, солдаты дрались все это время? Неужели только для того, чтобы отдать себя в рабство людям богатым?»⁹⁴.

Агитатор Сексби ответил менее глубоко, но столь же решительно: «Если мы готовы были поплатиться жизнью и имуществом, то только за то, чтобы вернуть англичанам прирожденное право и привилегии. И что же? Оказывается, что тот, у кого нет постоянной собственности, лишен всякого права в королевстве. Я не допущу такого обмана, я не уступлю никому своего прирожденного права»⁹⁵.

Но самый последовательный ответ с точки зрения левеллерских принципов прирожденного права дал Айртону агитатор Пети. Он заявил, что сердце его преисполнится радостью, когда богу будет угодно отменить короля, лордов и частную собственность. Но не так скоро, должно быть, наступит такое всеобщее уравнивание людей. Он надеется, что его потомки еще увидят падение короля и лордов, но исчезновение собственности произойдет еще позже⁹⁶.

Если таковы были оттенки социальной идеологии даже внутри левого, наиболее радикального течения левеллерства, то сколь же велико было различие в отношении к социальному вопросу между представителями этого течения в целом и господствующим в среде армейских и лондонских радикалов направлением Лильберна. Выступив в защиту принципа неприкосновенности частной собственности, представители последнего не только согласились, по существу, лишить «прирожденного права» на «свободный и самостоятельный источник существования» огромную часть английского народа (копигольдеров), но также согласились лишить избирательных прав в парламент всех нищих и слуг⁹⁷, т. е. те слои, которые были вообще лишены какой-либо собственности. Но тем самым они солидаризовались с логикой Айртона, предостерегавшего о том, «что нельзя поддерживать требования о всеобщем голосовании... не подняв руку на собственность. На том же основании, на каком вы допускаете равное право каждого на выборах, вы должны признать равное право всех на имущество, пищу, питье,

⁹² Ibid., p. 58.

⁹³ Ibid., p. 54.

⁹⁴ Ibid., p. 71.

⁹⁵ Ibid., p. 74.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Ibidem.

⁸⁸ A. Woodhouse. Op. cit., p. 53.

⁸⁹ Ibid., p. 63.

⁹⁰ Ibid., p. 54.

⁹¹ Ibid., p. 58.

одежду. Вы должны согласиться, что каждый имеет равную свободу в присвоении себе земли для обработки и всякой вообще собственности»⁹⁸.

Таким образом, пределы лильберновской демократии фактически установил не кто другой, как Айртон. Естественно, что они оказались весьма ограниченными. В лучшем случае, они включали важные социальные реформы, но отнюдь не новую социальную революцию, отнюдь не сокрушение господствующих форм собственности.

Следовательно, какими бы непримиримыми ни казались в пылу полемики политические принципы «Народного Соглашения» и принципы, изложенные Айртоном в ходе конференции⁹⁹, базис у них был весьма близким, если не общим: «неприкосновенность частной собственности и частного интереса».

Но в таком случае что же другое могло означать прозвище «левеллер», данное в Пэтни приверженцам лильберновской демократии, если не сознательное — с целью диффамации своих противников — извращение ее содержания грандами. Исторический смысл глагола to level, возникшего, как мы видели, в ходе крестьянского восстания начала XVII в., заключался в отрицании и действительном ниспровержении земельной монополии лендлордов. Лильберновская же демократия, которую гранды нарекли «левеллерской», исходила по существу из сохранения земельной монополии лендлордов, из факта ее победы в ходе революции 40-х годов. Но тем самым гранды, назвав сторонников Лильберна «левеллерами», совершили двойной подлог, извратили исторически сложившееся содержание этого термина и ввели сознательно в заблуждение общественное мнение относительно истинных целей движения, возглавлявшегося мелкобуржуазными радикалами.

Приведем лишь два характерных примера, позволяющих убедиться в том, что направления политической мысли Лильберна, с одной стороны, и Айртона, — с другой стороны, по своему объективно-историческому содержанию представляли радикальное и консервативное направление *одной и той же концепции собственности и власти*.

Анализ левеллерской публицистики обнаруживает, что ни один из памфлетов Лильберна, ни одна из публичных декла-

раций и петиций его сторонников не выходила за пределы нареканий на существующие политические институты, или же на нежелание властей прислушаться к голосу угнетенных и осуществить те или иные реформы и улучшения¹⁰⁰. В них нельзя найти ни малейшего следа *классового* анализа политики этих властей, ни малейшей попытки связать их «нежелание» осуществить «левеллерские принципы» с интересами определенных общественных классов, находящихся у власти, с данным строем собственности. «Наши прежние тяготы и еще продолжающиеся страдания, — писал Лильберн в 1648 г., — были обусловлены или отсутствием регулярно собираемых национальных собраний — парламентов, или неэффективностью этих собраний»¹⁰¹.

Недаром даже самая радикальная, январская петиция левеллеров (1648) исходит из презумпции, что деление общества на собственников и тех, кто, будучи лишен собственности, трудится на них за плату, в сущности незыблемо, и именно поэтому выражает лишь пожелание, чтобы «бедные получали лучшую плату» за *свою работу*¹⁰². Между тем в появившемся еще осенью 1647 г. памфлете¹⁰³, подписанном инициалами L. C.¹⁰⁴, автор которого, очевидно, не был связан с левеллерами, проявляется такое глубокое понимание классовой обусловленности всей политики парламента, такая ясность в обрисовке подлинных причин угнетения бедных, что в нем нельзя не видеть отражения пробуждения социального самосознания обездоленных масс, идеалы которых, по существу, оставались чуждыми Лильберну и его единомышленникам.

Ввиду особого интереса приведенной в этом памфлете аргументации остановимся на нем подробнее. Автор его исходит из того же факта, который отмечался и во многих левеллерских петициях, а именно, что парламент, избранный общинами Англии для уничтожения угнетавших их зол и тягот, не оправдал доверия. Он отрекся от их изначальных целей и предал забвению свои многочисленные торжественные обязательства и декларации «сделать английский народ «наиболее свободным народом мира». Добившись ценой огромных жертв народа победы над королем, он преследует теперь лишь цель собственного возвеличения и обогащения, оставляя простых людей, несмотря на все понесенные ими в войне с королем жертвы и на их под-

⁹⁸ A. Woodhouse Op. cit., p. 74.

⁹⁹ В дни революции эту непримиримость из вполне понятных политических побуждений раздували роялисты. «Кромвель и левеллеры, — писал роялистский листок «Mercurius pragmaticus» 26 декабря 1648 г., — также могут объединиться как огонь и вода» (Цит. по D. Petegorsky Op. cit., p. 103); однако события ближайших недель, как известно, доказали обратное. В наши дни лейбористская историография продолжает настаивать на этой непримиримости.

¹⁰⁰ The legal fundamental liberties of the people of England — W. Haller Op. cit., p. 424.

¹⁰¹ Foundations of freedom, preamble to the second agreement of the people — Ed. Woodhouse Op. cit., p. 356.

¹⁰² Don M. Wolfe. Op. cit., p. 270.

¹⁰³ A general Charge, or impeachment of High treason (1647).

¹⁰⁴ Автор его, предположительно, Лоуренс Кларксон. Эта идентификация принята Шенком (C. Schenk. Op. cit., p. 83) и Петегорским (D. Petegorsky. Op. cit., p. 101).

виги, в прежнем рабстве, даже в еще худшем положении, чем они находились в начале войны¹⁰⁵. Однако в отличие от публицистики Лильберновского направления, Кларксон объясняет это не только субъективной нечестностью членов парламента, но и тем, что как и прежде в парламенте простонародье представлено своими угнетателями, и потому для него ничего не изменилось.

Таким образом, парламент олицетворяет классовое господство лендлордов, следовательно его политика классово обусловлена. «Невозможно ожидать от тех, кто угнетает вас,— продолжает Кларксон,— чтобы они облегчили [вашу участь] и освободили вас от угнетения, ибо, кто ваши угнетатели, если не знать и джентри, а кто угнетен, если не йомен, арендатор, ремесленник и рабочий (the labourer). Подумайте же, не избрали ли вы угнетателей, чтобы они избавили вас от угнетения»¹⁰⁶.

С таким отчетливым представлением о классовом делении общества мы столкнемся разве только в публицистике «истинных левеллеров» 1649 г. Но тем удивительнее оно в условиях 1647 г., т. е. в условиях, когда по принятой даже в марксистской историографии концепции — радикализм народных низов почти исчерпывался воззрениями одного Лильберна и его единомышленников. Между тем если Лильберн выход из всех этих зол усматривал прежде всего в расширении избирательного права и в законодательном фиксировании формально-юридических гарантий свободы так называемых «неотчуждаемых прав» личности, то Кларксон видел его в таком изменении классового состава парламента, которое по существу могло стать реальностью только в результате коренного общественного переворота. Так, например, он подчеркивает, что в парламент следует избирать только бедных (Yours equals in Estate), ибо никто кроме них не способен обуздать угнетателей (to quell the oppressor) и облегчить [участь] угнетенных»¹⁰⁷. Если же власть будет оставлена в руках угнетателей,— предупреждает он,— «вы можете отдать остатки своего имущества на содержание армии, вы можете обращаться к существующему парламентам с бесконечным числом петиций, но знайте, что ... ваше угнетение, ваша неволя, ваш голод будут увеличиваться все больше и больше». И в заключение он пишет: «До тех пор, пока вы будете избирать [в парламент] тех, кого вы называете своими лордами, патронами и импроприаторами, несправедливость будет про-

¹⁰⁵ A general Charge, p. 10; Bloody projects — W. Haller. Op. cit., p. 145. «Всякая власть, которая принадлежит кому-либо, является не чем иным, как полномочием (trust), переданным ему вами с целью использовать его для вашего блага. Он же (т. е. парламента.— М. Б.) злоупотребил им (mis-imploved) и вместо того, чтобы защитить вас, разорил вас. Вся власть в стране извращена (perverted), начиная от короля и кончая констеблем».

¹⁰⁶ A general Charge, p. 11.

¹⁰⁷ Ibid., p. 12.

должаться и угнетение будет царствовать, так как ваше рабство является их свободой, ваша бедность — их богатством»¹⁰⁸.

Но ведь именно в подаче бесконечного числа петиций парламентам и заключалась основная тактика Лильберна. Сопоставление ее с замечаниями Кларксона обнаруживает, что хотя и левеллеры неоднократно теряли веру в существующий парламентам, однако вопреки всему он до последних дней своего существования олицетворял для них «представительное собрание народа Англии»¹⁰⁹. Левеллеры в итоге оказались куда большими бюлестителями традиционной конституции Англии, чем это может показаться при изучении прений в Пэтни. В начале 1649 г. роли Кромвеля и Лильберна по сравнению с их позициями в Пэтни переменялись: Лильберн, опасаясь диктатуры грандов, стал больше всего опасаться смены политических институтов¹¹⁰. Кромвель же стал больше всего заботиться о незыблемости дворянско-буржуазной собственности и во имя этого легко жертвовал институтами, если они, по его мнению, недостаточно обеспечивали достижение этой цели¹¹¹.

С тем же глубоким противоречием в идеологии политических левеллеров: между радикализмом умозрительных принципов гражданской свободы и практическим консерватизмом в применении их к социальной действительности Англии 1647—1649 гг. мы сталкиваемся, рассматривая отношение Лильберна к унаследованному от феодального прошлого общему праву страны.

Хорошо известно, что левеллеры неоднократно требовали реформы права, перевода его на английский язык, сокращения его объема¹¹² и т. д. Однако все их требования сводились только к «улучшениям». Лильберн никогда не сомневался в социаль-

¹⁰⁸ Ibidem.

¹⁰⁹ См. England's New Chains discovers.— W. Haller. Op. cit., p. 169: «Мы считаем эту почетную палату истинным стражем наших свобод».

¹¹⁰ См. Bloody projects. W. Haller, p. 142: «По опыту вы знаете, что можно оставаться в рабстве столь же основательно под властью парламента, как и под властью любой другой формы правления». Ср. The second part of New Chains discovered.— W. Haller. Op. cit., p. 183: «Король более желателен чем [власть]... офицеров».

¹¹¹ Письмо Кромвеля к Гэммонду осенью 1648 г. W. Abbott. Op. cit., v. II: «Согласен, что власть от бога, но тот ли, другой ли вид власти — создание рук человеческих». Между тем на конференции в Пэтни Кромвель говорил нечто иное: «Не забудем, что мы сроднились с определенным государственным строем». A. Woodhouse. Op. cit., p. 54. Еще очевиднее это становится из сопоставления позиции левеллеров и Кромвеля по вопросу о верности ранее принятым обязательствам. В том же письме к Гэммонду Кромвель писал: «Я не думаю, что власти вправе делать все, что им угодно и что повинование всегда обязательно...» W. Abbott. Op. cit., v. II. А в Пэтни Кромвель призывал сохранить «верность» и придерживаться прежних обязательств армии, т. е. сохранить традиционную конституцию Англии (A. Woodhouse. Op. cit., p. 54).

¹¹² To the Right honourable the House of Commons of England. Humble petition. Sept., 1648. Don M. Wolfe. Op. cit., p. 283.

ной справедливости этого права, в его пригодности для регулирования отношений и после свержения монархии¹¹³, усматривая в нем самый надежный щит «свободнорожденного Джона»¹¹⁴. В его толковании право теряло какую-либо историческую обусловленность. Черпая аргументы из «Добрых Законов» Эдуарда Исповедника, Великой хартии вольностей, Петиции о праве, из судебной процедуры, сложившейся в королевских судах, он, в конечном счете, оказался в плену у них. В итоге «Традиционное право» в памфлетах Лильберна превращалось в надклассовое, вневременное и поэтому «драгоценное наследие» народа.

Однако в народных низах зрело совершенно иное суждение об этом «наследии» и его роли в жизни бедных общин Англии. Упомянутый выше Лоуренс Кларксон гораздо точнее, по-видимому, отражал это суждение, когда в своем памфлете «Общее обвинение» подчеркивал, что унаследованное право — «закон свободы для угнетателей» и «закон рабства и неволи» для «общины» (Communalty)¹¹⁵. Он решительно требует заменить это право законом справедливости (law of equity) и уничтожить всю унаследованную систему правосудия и судопроизводства, установив вместо нее судебное разбирательство самого народа (You may decide all differences among you). Без замены профессиональных юристов, этих столпов несправедливости, нельзя избавиться от угнетения¹¹⁶.

Однако несомненно, что с наибольшей ясностью внутренняя противоречивость и разнородность идеологии левеллеров проявилась в социальном вопросе. С этой точки зрения прения в Пэтни явились в одно и то же время и зеркалом классовой сущности лильберновского радикализма и важной вехой на пути его дальнейшей эволюции. Именно с осени 1647 г. можно датировать резкое усиление социальных мотивов в публицистике левеллеров всех оттенков в связи с обострением в лагере парламента социальных противоречий между классами-союзниками и неимущими слоями народа.

¹¹³ J. Lilburn. Foundations of freedom — A. Woodhouse. Op. cit., p. 357.

¹¹⁴ «Право — надежнейшее прибежище человека и сильнейшая крепость для защиты самого слабого». J. Lilburne. The laws funeral (1648). Цит. по D. Petegorsky. Op. cit., p. 119.

¹¹⁵ «Moderate», April, 1649: «Народ этой страны останется в рабстве [до тех пор], пока он останется подвластен законам... Вильгельма. Большинство этих законов несправедливо, так как создано незаконной, узурпированной и тиранической властью».

¹¹⁶ A general Charge, p. 8. Бросается в глаза удивительная близость содержания этого раздела «Общего обвинения» и требований, сформулированных в декларации бекингемширских левеллеров. «Каждый человек, — читаем мы в ней, — должен получить правосудие, отправляемое у его собственного порога» не имея дела с профессиональными юристами. Все тяжбы должны разбираться двумя-тремя из 12 лиц, живущих по соседству с тяжущимися, «как это было до нормандского завоевания». A declaration of the Wellaffected in the County of Buckinghamshire. (Ed. Sabine), p. 646.

Последнее обстоятельство содействовало все более определенному размежеванию в массах, следовавших за левеллерами.

С другой стороны, с осени 1647 г. социальная разнородность левеллерского движения, существовавшая и раньше, окончательно выкристаллизовалась. Возникли два направления социальной мысли в рамках единой, на первый взгляд, партии: мелкобуржуазное, умеренное направление Лильберна и крестьянско-плебейское радикальное направление Уолвина, Лоуренса, Кларксона, Френсиса Фримена, а главным образом сельских левеллеров Бенкигемшира, Герифордшира и ряда других графств, в особенности северной Англии.

Нельзя сказать, чтобы партия левеллеров в целом и направление Лильберна в частности оставались безучастными к страданиям и нуждам народных низов города и деревни¹¹⁷. Уже начиная с «дела армий», наряду с такими жалобами, как разорение и обнищание вследствие упадка торговли, существования монополий, тяжелого налогового гнета, в особенности акциза, солдатских постоев, все чаще встречаются нарекания на злоупотребления должностных лиц, самовозвеличение и самообогащение их, казнокрадство, разграбление ими фонда конфискованных земель и т. д.¹¹⁸ В программные декларации и петиции, составленные от имени левеллеров, систематически включались новые требования, идущие несомненно навстречу этим нуждам: уничтожение изгородей и возвращение былых общинных земель, создание фонда помощи бедным за счет пустошей и конфискованных земель, введение прямого пропорционального налогообложения вместо косвенных налогов (акциза) и ряда других¹¹⁹.

Однако ни в одной из левеллерских деклараций даже не поднимался самый основной для народных низов вопрос: насколько вообще правомерен существующий общественный строй, если он приводит к столь вопиющему разрыву между бедностью и богатством, насколько справедливы самые основания строя, осуждающего тысячи и тысячи на голодную смерть среди изобилия житейских благ. Может ли он, в случае, если эти основания останутся неизменными, привести к достижению целей, декларированных самими левеллерами, — обеспечить каждому человеку независимо от его положения в обществе полноту его прирожденных прав?

Следует сказать, что для Лильберна эти вопросы вообще не существовали, поскольку источники всех общественных зол, в

¹¹⁷ Еще в 1643 г. Лильберн писал о «многих живущих с показной роскошью», в то время, как «тысячи... не имеют и куска хлеба», о «множестве тягот, лежащих на бедных, простых людях». A copy of a later from lient. Coll. John Lilburne to a friend (1643). Цит. по: D. Petegorsky Op. cit., p. 33.

¹¹⁸ См. The Case of the armie (Haller and Davies), p. 78

¹¹⁹ См. The Earnest petition (там же). Особенно характерен с этой точки зрения памфлет «The bloody projects» (1648).

том числе и социальных бедствий, он усматривал не в отношениях собственности, а в испорченности государственного механизма, в отклонении политико-юридических институтов от изначального их предназначения. Но именно поэтому в возобновлении «Народного договора» взамен перечеркнутого существующими институтами и в воссоздании государства на основаниях формального равноправия индивидов, его составляющих, Лильберн усматривал важнейшую цель возглавляемого им движения¹²⁰. Поэтому он совершенно искренне твердил, начиная с 1648 г., о нежелании тех, кого гранды прозвали «леเวลлерами», затрагивать существующие отношения собственности.

Так, в марте 1648 г. Лильберн решительно отрицал, что прозвище «левеллеры», данное его приверженцам, соответствует их целям. На самом же деле, — писал он, — «они являются вернейшими и наиболее непоколебимыми защитниками (asserters) свободы и собственности, что прямо противоположно общности имущества (community) и уравнительству»¹²¹. Он требовал, чтобы те, кто бросает им подобные обвинения, указали в сочинениях так называемых левеллеров хотя бы малейший намек на уничтожение свободы и собственности или на установление равенства на основе универсальной общности имущества¹²².

В приписываемом Уолвину памфлете «Кровавые проекты», изданном в августе 1648 г., предусматривалось, что «парламент не должен иметь права на всеобщую отмену собственности»¹²³. Почти одновременно в Сентябрьской петиции левеллеров в палату общин мы находим специально сформулированное требование, чтобы нынешний парламент взял на себя и возложил на все будущие парламенты обязательство «не отменять (abolish) частную собственность, не уравнивать состояния людей и не вводить общность имущества»¹²⁴.

В разработанной в конце 1648 г. второй редакции «Народно-соглашения», по существу, впервые воплотившей принципы левеллерской политической доктрины в их чистом виде¹²⁵, мы уже находим в перечне ограничений, налагаемых на парламент «неотчуждаемыми правами» человека, следующие: «Ни один парламент не будет [правомочен] уравнивать состояния людей, уничтожать [частную] собственность или делать все вещи общими»¹²⁶.

¹²⁰ J. Lilburne. Foundation of liberty. A. Woodhouse. Op. cit., p. 356.

¹²¹ Idem A Whip for the present house of lords. Цит. по: D. Petegorsky. Op. cit., p. 110.

¹²² Ibidem.

¹²³ The bloody projects.—Haller. Op. cit., p. 144.

¹²⁴ The Humble Petition.—A. Woodhouse. Op. cit., p. 340.

¹²⁵ Первая редакция, обсуждавшаяся в Пэтни, еще изобилует требованиями частного характера.

¹²⁶ Foundation of freedom, of an agreement of the people.—Don M. Wolfe. Op. cit., p. 300.

Чем объясняется, что левеллеры столь остро ставили вопрос о собственности? О какой собственности идет речь во всех этих декларациях? Почему необходимость четко сформулировать ответ на этот вопрос возникла для левеллеров только в 1648 г.? Конечно, в какой-то мере это объясняется вызовом, брошенным сторонникам Лильберна в Пэтни прозвищем «левеллеры». Однако дело не только в этом. Сами индепенденты, во главе с Кромвелем, не верили ни тогда, ни позже, что именно Лильберн и его приверженцы могут покушаться на частную собственность. Недаром же вскоре после конференции в Пэтни гранды, стремясь по политическим мотивам (приближалась вторая гражданская война), сблизиться с Лильберном, обещали, что оскорбительное прозвище «левеллеры» никто больше от них не услышит¹²⁷.

«Не думаете ли вы, — писал Кромвель 25 ноября 1648 г. полковнику Роберту Геммонду, — что этот страх перед левеллерами, со стороны которых нечего бояться, что они уничтожат знать, был причиной того, что многие стали на сторону врага»¹²⁸.

Конечно, впоследствии, когда радикальные секты стали серьезной угрозой для диктатуры грандов, тот же Кромвель, нарочито смешивая сторонников Лильберна с «истинными левеллерами», будет с негодованием говорить об их уравнилельных намерениях, от которых только его меч спас Англию¹²⁹. Но это подтверждает, что в 1648 г. прозвище «левеллер» было для грандов лишь отравленным оружием политической борьбы.

Но если это так, то остается непонятным, почему Лильберн в 1648 г., когда между индепендентами и левеллерами был заключен своего рода политический союз (союз, в котором первые были более заинтересованы, нежели вторые, ибо он целиком и полностью играл им на руку), почему именно тогда левеллеры столь настойчиво декларировали свою приверженность к строю частной собственности? Очевидно, этим преследовалась цель успокоить не индепендентов, а ту часть своих приверженцев, в которой они усматривали свою основную

¹²⁷ J. Lilburne. The Second part of England's New Chains. W. Haller. Op. cit., p. 180: «Когда гранды неожиданно увидели, что им угрожает серьезнейшая опасность от врагов, они... стали раскаиваться. С выражением величайшей скорби они признали, что они руководствовались негодными политическими принципами, что они заслужили порицание за свои действия, и что прозвище левеллеры, иезуиты и тому подобные оскорбления от них уже не услышат».

¹²⁸ Cromwell — to Rob. Hammond, nov. 26, 1648. Clarke Papers (Ed. Ch. Firth), v. 11, p. 50.

¹²⁹ Abbot. Op. cit., v. III, p. 435—436: «Знатный, джентльмен, йомен не было ли [все это] растоптано со злобой и презрением людьми, придерживающимися уравнилельных принципов?.. Не стремились ли они к тому, чтобы вывести всех людей к равенству. Какова была их цель, если не то, чтобы наделить держателя таким же состоянием, что и лендлорда».

социальную опору — «людей среднего сорта»¹³⁰. Именно в этом заключалась причина растущей политической слабости и грядущего поражения политических левеллеров: их *социальная* программа оказалась лишь более радикальной модификацией программы индипендентов.

Это были не антагонистические программы, а вариации одной и той же программы буржуазных преобразований. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что индипенденты впоследствии восприняли значительную часть программы левеллеров, вплоть до установления республики с однопалатным парламентом¹³¹. Спор, в конечном счете, шел вокруг *степени демократизма*, но и в том и в другом случае это должна была быть *буржуазная демократия*, основанная, как мы видели, на неприкосновенности института частной собственности. В условиях 1647—1649 гг. это могло означать лишь одно, что левеллеры, подобно индипендентам, исходили из системы лендлордизма как из незыблемого факта.

Не выдвинув на первый план требование об отмене копигольда¹³², левеллеры, по существу, *проглядели самый кардинальный социальный вопрос демократической революции* и в результате лишили себя подлинно массовой базы в деревне, а значит и поддержки той общественной силы, которая могла стать действительным противовесом союзу индипендентской буржуазии и дворянства. Левеллеры оказались перед дилеммой: либо во главе демократического крестьянства, в первую очередь копигольдеров, выступить против лендлордизма и тем самым превратиться в подлинную партию крестьянской революции, либо, оставаясь на почве лендлордизма, вопреки очевидному радикализму политических целей, стать партией половинчатых социальных реформ и тем самым сдать свои позиции грандам. Лильберн и его приверженец, как известно, пошли по второму пути.

Итак, дело не в том, что левеллеры являлись по преимуществу партией городских низов; они имели несомненно

¹³⁰ Хотя впоследствии, как мы видели, Лильберн подчеркивал, что его последователей можно было найти среди трудящегося люда Англии (см. *The upright man's vindication* (1653).—Schenk. Op. cit., p. 64), тем не менее в дни подъема возглавившегося им движения он очевидно ориентировался на более зажиточные слои мелкой буржуазии.

¹³¹ Отсюда обвинение Лильберном грандов в том, что они присвоили себе значительную часть левеллерских принципов. «*New Chains of England discovered*» (1649).

¹³² То обстоятельство, что требование об отмене копигольда появилось один единственный раз, только в январской декларации левеллеров 1648 г. («*Древний знак рабства — все низкие держания по копии, клятве верности, омажу и производительным файнам — должны быть отменены*».—*A new Engagement or manifesto*, 1648, p. 12), еще не дает основания считать, что это требование было программой левеллеров. Мы не встретим его ни в одной из левеллерских петиций в парламент.

значительное влияние и в деревне¹³³ — но, главным образом, в том, что здесь они проглядели своего основного союзника — класс копигольдеров и отвернулись от чаяний огромного слоя плебса.

Но если это так, то очевидно, что настойчивая защита левеллерами принципа неприкосновенности частной собственности была обусловлена не какими-либо временными тактическими соображениями, а органически вытекала из самой доктрины левеллерских «неотчуждаемых прав» свободного человека, среди которых одним из важнейших являлось право личности на собственность.

В то время как левеллеры искали свою массовую опору среди тех же социальных слоев, что и индипенденты, эти социальные слои отдавали явное предпочтение Кромвелю перед Лильберном с его чисто внешним декларативным политическим радикализмом. Те же слои, которые истолковывали политический радикализм теории левеллеров как социальный, т. е. как иносказательно выражение стремлений к социальному уравниванию, должны были, уже начиная с осени 1647 г., полностью разочароваться в своих надеждах на Лильберна и искать новых путей и новых вождей¹³⁴.

Так, зимой 1648 г. Уайльдман говорил о том, что «бедные собираются в отряды по десять, двадцать, тридцать [человек], блокируют дороги и захватывают зерно, привезенное для продажи на рынке, распределяют его между собою на глазах у владельцев, говоря им: мы не можем умереть с голоду»¹³⁵.

Листок «*Mercurius pragmaticus*» от 28—29 августа того же года сообщал, что Генри Мартен набирает воинскую часть из пехотинцев и кавалеристов, на знамени которой начертано: «За народную свободу против всех тиранов». Большое число крестьян (*rustics*) Беркшира под влиянием новой доктрины, провозглашающей, что верховная власть изначально принадлежит народу, направляется к Генри Мартену. Он ежедневно обращается к ним с проповедью в духе левеллеров (*in the Habit of the leveller*), призывая их не признавать чью-либо власть над собой или приносить [кому-либо] (*ома*), или изъявлять [кому-нибудь] покорность, так как они свободные люди, содержащие сами себя (*subsisting themselves*). Он убеждал их, что они не должны платить десятину. С целью укрепить их в подобного рода взглядах он заставлял своих собственных держателей и солдат не выказывать ему покорность кроме повиновения

¹³³ О наличии влиятельных групп сельских левеллеров в центральных и северных графствах свидетельствуют как многочисленные петиции в парламент, так и декларации, опубликованные от их имени; см. ниже.

¹³⁴ Это отнюдь не противоречит тому, что Лильберн продолжал еще долгие годы оставаться кумиром лондонской толпы и армейской демократии.

¹³⁵ Haller and Davies. Op. cit., p. 47.

в военных делах. Он распределил десятину, принадлежавшую приходу, среди бедных, а имущество, захваченное у лордов,— среди их держателей¹³⁶.

21 августа палата общин приняла специальную резолюцию о подавлении мятежных отрядов Мартена¹³⁷.

Мы видим, что в 1648 г. начался новый подъем аграрного левеллерства, вышедший далеко за рамки устремлений самого Лильберна. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что с начала 1648 г. левеллеры стали особенно настойчиво декларировать свою приверженность частной собственности. Это следует рассматривать как реакцию с их стороны на рост социального возмущения среди наиболее обездоленных низов народа, на усиление в их среде стремлений к вторжению в сферу частной собственности в свою пользу и уравнительному переделу ее. Следовательно, левеллеры боролись не только против грандов, а фактически сдерживали натиск все усиливающегося общественного течения истинного левеллерства как в их собственных рядах, так вне их — среди приверженцев революционных сект¹³⁸.

В этом и заключалось то,— по выражению Ленина,— «уточнение» классовых интересов широких масс, которое происходит по мере прогресса революции,— та «замена общих, абстрактных, неясных и смутных... требований конкретными, точно определенными различными требованиями различных классов»¹³⁹.

Несомненно, что просвещение масс происходило прежде всего под влиянием окружающей их действительности, условий их существования. Вот как описывает эти условия в 1648 г. Седжвик: «Честные занятия, став почти бесполезными, оставляются... торговля [и ремесло] (trades) — источник жизни [для многих] тысяч — пришли в упадок; разоренные налогами... бедняки умирают с голоду или восстают, чтобы силой вырвать вспомоществование из рук богатых»¹⁴⁰.

Тесная взаимосвязь между резко ухудшившимися условиями жизни народных низов и пробуждением их классового самосознания с очевидностью вырисовывается из памфлета, опубликованного в январе 1648 г. в поддержку январской петиции левеллеров и озаглавленного «Вопли отчаяния многих тысяч бедных ремесленников, умирающих с голоду по причине упадка торговли». В нем наряду с обычными жалобами на застой торговли и ремесел, на дороговизну продовольствия, мы находим следующие знаменательные слова, обращенные к богатым: «О, члены парламента и богатые люди из Сити, живущие привольно и пьющие

вино... перемальвающие нашу жизнь и сдирающие с нас шкуру... У вас [люди] из Сити, покупающих наш труд, наверно, ломаются столы и переполнены чаши; не потому ли вы платите за наш труд, как вам заблагорассудится, мало или совсем ничего; ибо вы знаете, что мы вынуждены его продавать, чтобы обеспечить наши семьи, без чего мы погибнем с голоду. Так, за счет нашей крови, вы, богачи, живете и украшаете себя... Откуда же у вас пышные шелка и бархаты, блестящие золотые и серебряные украшения, не добыты ли они потом наших лиц и спин, голодом наших желудков». А в заключение еще один поразительный по своей глубине вопрос, приоткрывающий гайну буржуазной революции: «Не из-за того ли весь спор (т. е. гражданская война между парламентом и королем.— М. Б.), чьими рабами должны быть бедняки?»¹⁴¹.

Сопоставив эти строки со всем тем, что вышло из-под пера Лильберна, нетрудно убедиться, что перед нами совершенно иное направление левеллерской мысли. И хотя имеется много оснований считать автором этого памфлета, как и самой январской петиции, Уильяма Уолвина — соратника Лильберна, тем не менее в нем звучит голос масс, выражены их помыслы.

Январская петиция левеллеров заканчивается знаменательными словами: «Мы до тех пор будем осуждены на отчаяние... пока не вступят в силу первобытные законы природы, которые заставят нас прибегнуть к естественным средствам самосохранения»¹⁴². Таким образом, перед нами не что иное, как предупреждение власть имущим о приближении взрыва негодования низов, который неминуемо приведет к насильственному вторжению их в частную собственность¹⁴³.

* * *

Чем больше зрело в народных низах сознание того, что источником их страданий является социальная несправедливость, крайне неравномерное распределение материальных благ, тем

¹⁴¹ W. Haller. Op. cit., p. 128. The mournfull cryes of many thousand poor tradesmen, who are ready to famish through decay of trade, or the warning teares of the oppressed (Don M. Wolfe, p. 275). Этот удивительный по силе прозрения в сущность событий вопрос повторяется трижды в английской публицистике 1640-х годов: в только что цитированном памфлете, в памфлете «Bloody projects» и в памфлете «England's troublers troubled (aug. 1648)». Ср. Bloody projects: «Единственное, из-за чего идет спор... заключается только в том, чьими рабами должен быть народ» (W. Haller. Op. cit., p. 145). А так как и этот памфлет, по мнению Халлера (ibid., p. 137), вероятнее всего написан Уолвином, то весьма возможно, что и в других двух случаях авторство тоже должно быть признано за ним.

¹⁴² W. Haller. Op. cit., p. 114.

¹⁴³ По постановлению парламента был написан ответ на «Mournfull cryes» (Ibid., p. 130), в котором мы, между прочим, читаем: «this is the doctrine of... levelling, bringing all mens estates to an Equality».

¹³⁶ Clarke papers, v. II, p. 57.

¹³⁷ Commons Journal, v. V, p. 676.

¹³⁸ Ср. D. Petegorsky. Op. cit., p. 113.

¹³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 277.

¹⁴⁰ W. Sedgwick. The leaves of the tree, 1648, p. 31.

отчетливее проявлялись их эгалитарные устремления. Особенно широкое распространение они получили после второй гражданской войны, когда судьба монархии была, по существу, уже решена, а идеал нового «справедливого устройства» страны народные низы связывали с более справедливым распределением собственности и общественного богатства¹⁴⁴.

С ярким проявлением идеологии истинного левеллерства мы сталкиваемся в памфлете, опубликованном в августе 1648 г. под красноречивым заглавием «Беспокойство, которое мы хотим причинить тем, кто причиняет Англии страдания, или справедливые решения простых людей Англии, направленные против богатых и могущественных. Из-за гордыни, вероломства и злонамеренности которых они [простые люди] доведены до крайней нужды и нищеты». В нем мы находим, между прочим, и следующие строки: «Все события с самого начала с очевидностью свидетельствуют о заговоре богатых и могущественных с целью обездолить и поработить всех простых (plain) и бедных (mean) людей по всей стране... С помощью подкупа правительства, несправедливых и неравных законов, обмана, тирании и угнетения вы захватили в свои хищные руки большую часть земли этого страдающего и поработанного народа. С помощью монополий, ростовщичества и сделок вы захватили в свое владение все богатства, деньги и дома! Более того, вы завладели нашими общинными землями в большинстве графств и ограбили нас... Как чрезмерно и бессовестно вы повысили за последние сорок лет земельные ренты и плату за жилища и мастерские в городах. Как много семейств вы разорили и пустили по миру, одних с помощью грабительских рент, других, скупая аренды и монополизировав торговлю и ремесло». В конце памфлета «простые и бедные люди» угрожают прекратить выплату рент, долгов, процентов и уничтожить изгороди, возведенные на общинных землях¹⁴⁵.

Как и следовало ожидать, социально-уравнительные тенденции наиболее интенсивно распространялись в среде сельского плебса, так как в деревне причины вопиющего имущественного неравенства были особенно очевидны. Lex agraria, «аграрный закон», которым был бы восстановлен «закон творения», обеспечивающий каждому человеку достаточную долю (a competency) жизненных благ (necessaries), — такова суть истинного левеллерства, сформулированного в анализируемом памфлете¹⁴⁶. Эти вопросы, подчеркивает его составитель, рассматриваются теперь много серьезнее, чем когда-либо раньше¹⁴⁷.

Таким образом, мы имеем красноречивое свидетельство того, насколько неправомерно связывать генезис истинного левеллерства только с именем Уинстенли, насколько это течение общественной мысли уходило корнями в народную толщу, составляя стержневой элемент их чаяний с самого начала революции.

Именно с этими тенденциями вне и внутри левеллерского движения фактически вступил в борьбу Лильберн, так как вместо того, чтобы увидеть в них свою подлинную силу, он усмотрел в них фактор, ослабляющий движение.

В самом деле, к весне 1649 г., когда произошел окончательный разрыв между левеллерами и граидами и, казалось, настало время отбросить тактику приспособления к ним, Лильберн и его приверженцы не только не пошли на союз с истинными левеллерами, но обрушились на них за их цели и методы борьбы. В середине апреля — начале мая 1649 г. ими были сформулированы так называемый «Манифест» и четвертая (окончательная) редакция «Народного соглашения» — документы, в которых цели левеллерского движения должны были быть представлены в их наиболее чистом и откровенном виде.

В «Манифесте», стремясь опровергнуть и «рассеять тучи поношений и клеветы» по своему адресу, Лильберн и его единомышленники снова заявили, что они никогда не стремились уравнивать отношения людей или устранить сословные различия и звания. Отвергая эту «неистовую демагогию» властей, левеллеры ссылались на сентябрьскую петицию 1648 г., в которой они высказывали свой взгляд на «уравнение» (concerning levelling), под которым «обычно понимают (!) уравнение состояния людей (an equalling of men's estate) и отмену собственности». Они еще раз объявили «весьма вредной» (!) любую подобную попытку и утверждали, что вопрос о собственности не входит в компетенцию верховного представительного органа¹⁴⁸.

Для того чтобы убедиться, что все это адресовалось не граидам, а народным низам, достаточно указать на следующий аргумент, приведенный составителями «Манифеста»: «Общность имущества (the Community) первых христиан была добровольной, а не принудительной... не была следствием какой-либо конституции... она не рассматривалась апостолами как обязанность, а считалась добровольным актом»¹⁴⁹. Очевидно, что Лильберн этим воздвигает плотину против напора снизу.

Уравнительные устремления среди низов должны были приобрести поистине массовый характер, чтобы возникла необходимость в такой настойчивой дискуссии с ними. Только потому, что

¹⁴⁴ England's troublers troubled (aug. 1648).

¹⁴⁵ Ibidem.

¹⁴⁶ Ibidem

¹⁴⁷ Ibidem

¹⁴⁸ Don M. Wolfe. Op. cit., p. 391: «Мы поэтому заявляем, что никогда не помышляли уравнивать состояния людей и что нашей высшей целью является направить республику по такому пути, чтобы каждый человек мог с наибольшей безопасностью пользоваться своей собственностью».

¹⁴⁹ Ibidem.

народные низы были готовы перейти от петиции в парламент к прямым действиям, левеллеры стали внушать им, что «не может быть жизни без правительства». С другой стороны, так как правительство, созданное на основании агримента, могло бы действовать в интересах народных низов (чего так боялись гранды во время прений в Пэтни), провозвестники английской демократии и в четвертую редакцию «Народного соглашения» от 1 мая 1649 г. посчитали нужным включить специальный пункт, запрещающий парламенту принимать законодательные акты, касающиеся собственности, уравнивания состояний или обобществления всех вещей: «И если какое-либо лицо, или лица попытаются силой нарушить собственность, с ними должны поступить, как в случаях государственной измены»¹⁵⁰.

Это должно было означать требования увековечить «фригольдерский интерес» лордов маноров, их право собственности на землю своих обычных держателей и арендаторов, признание законом узурпации, совершенной лордами в парламенте, т. е. односторонней отмены феодальных повинностей в их пользу.

Итак, политические левеллеры были принципиальными противниками эгалитаризма истинных левеллеров и последовательными защитниками незыблемости частной собственности. «Манифест» и четвертая редакция народного соглашения раскрывают одну из важнейших тайн революции 40-х годов, а именно то, что основными антагонистами в революционном лагере в 1647—1649 гг. в действительности являлись не Кромвель и Лильберн (т. е. индипенденты и политические левеллеры), а индипенденты и крестьянско-плебейское направление демократической революции в лице аграрных левеллеров, а впоследствии — диггеров.

Подтверждение этому мы находим в памфлете Лильберна «Основные юридические свободы английского народа», опубликованном летом 1649 г. Здесь Лильберн вступает в открытую дискуссию с диггерами, обосновавшимися к тому времени на пустоши близ Кобхема (Серри). Отвергая свою причастность к их деяниям и воззрениям, Лильберн называет последние «ошибочными»¹⁵¹.

Свое отношение к диггерам Лильберн еще более определенно выразил в 1652 г., т. е. тогда, когда он уже полностью отошел от

¹⁵⁰ Don M. Wolfe. Op. cit., p. 409.

¹⁵¹ J. Lilburne. The Legal fundamental Liberties. Don M. Wolfe. Op. cit., p. 444. «Памфлет «The Discoverer», опубликованный после ареста Лильберна. Овертона, Уолвина и Принса весной 1649 г., приписывает им доктрину, изложенную в первых декларациях диггеров. «Они хотели,— утверждает автор,— чтобы никто не мог называть ничего своим, они считают тираном того, кто владеет собственным участком земли, в их глазах собственность — дьявольского происхождения, своего рода иго египетское, проклятие рода человеческого». Цит. по М. М. Ковалевский. От прямого народоправства..., кн. II, стр. 62.

политической борьбы и поэтому мог рассуждать беспристрастно. «На мой взгляд,— писал он,— нелепый замысел об уравнивании собственности и власти столь смехотворен и глуп, что, будучи чистосердечным, нельзя себе представить никого, кто в здравом уме был бы сторонником этого принципа; ибо, если его реализовать, он привел бы не только к уничтожению трудолюбия в мире, но разрушил бы самые основы государства... Кто же станет заботиться о том, что, будучи приобретенным, не станет его собственностью, а должно быть равномерно разделено с любым лентаем и бездельником»¹⁵².

Итак, намного раньше, чем идеология диггеров была сформулирована в памфлетах Уинстенли, она, хотя и в более общем и менее осознанном виде, стала конечной целью общественного движения, сложившегося в ходе борьбы широких народных низов за углубление демократического содержания буржуазной революции¹⁵³.

В этой связи приобретают неопределимое значение два памфлета бекингемширских сельских левеллеров: «Свет, воссиявший в Бекингемшире, или открытие главной основы и первопричины всякого рабства на земле, и прежде всего в Англии, представленное в виде декларации многих благонамеренных в данном графстве ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии» (1648) и его продолжение «Новый свет...»¹⁵⁴ (1649).

Самое примечательное в них заключается в том, что благодаря им мы можем проследить генетическую линию, ведущую от аграрных левеллеров к диггерам 1649 г. Мы находим в них яркую иллюстрацию того, как левеллерские воззрения на природу гражданского общества и государства превращались в народном сознании в учение об основах социальной справедливости, т. е. в идеологию истинного уравниательства. В этом смысле

¹⁵² J. Lilburne. Apologetical narration (1652). The good old cause, p. 401; Ср.: The Legal fundamental Liberties, p. 429: «Кто проявит заботу о том, что, будучи приобретенным, не принадлежит ему? Кто станет сражаться за то, в чем у него нет большего интереса, чем интерес, который имеют в нем другие?».

¹⁵³ Лишним свидетельством этому может служить то обстоятельство, что реформаторы, занимавшиеся в 1647—1649 гг. проблемой пауперизма и далекие от левеллерского движения, считали необходимым отвергать подозрения, будто они причастны к истинному левеллерству, задолго до появления диггеров 1649 г. Достаточно сослаться на пример автора памфлета «Unum necessarium or the poor man's cause» (1648), Кука, писавшего в январе этого года: «Я не желаю, чтобы подумали, будто я являюсь врагом крупных владений. Я не придерживаюсь тех взглядов, которые сводят все к уравниванию имущества всех людей. Это просто утопия (utopian fiction). Священное писание не знает ничего подобного. Там сказано, бедные да пребудут всегда с вами».

¹⁵⁴ Эти памфлеты были приписаны Гучем (English Democratie ideas, p. 187), Бернштейном (указ. соч., стр. 192) и Вольфом (Levell er manifestoes, p. 58) перу Уинстенли. Издатель произведений Уинстенли Себин доказал, что перед нами памфлеты, возникшие в кругах бекингемширских сельских левеллеров (G. Winstenley. Works. Ed. G. H. Sabine, p. 605).

правомерно говорить о предвосхищении ими ряда основных положений социальной доктрины Уинстенли и его последователей.

Поскольку человек, подчеркивается в памфлете «Свет, воссиявший...» создан «по образу и подобию божьему», он является господином всех низших существ. Но по той же причине он не может господствовать над себе подобными, ибо все люди равны по праву рождения. Всем им принадлежит равная доля в «творении», созданном для их блага. «Следовательно,— заключает анонимный автор памфлета,— все должны пользоваться землей и все, что ее населяет, в равной степени, не допуская, чтобы один присваивал собственность большую, нежели другой». Так же, как никто не может быть лордом другого, он не может быть и лордом земли, огораживая ее для своего исключительного пользования, в ущерб соседу¹⁵⁵. А ведь именно в этом состоял один из лейтмотивов учения Уинстенли. Очевидно, что первый шаг в этом направлении сделали сельские аграрные левеллеры; за религиозной фразеологией нетрудно разглядеть психологию крестьянина, возмущенного вопиющим неравенством в землевладении и землепользовании. Аграрное левеллерство, таким образом, составляло исходную идею доктрины диггеров, обоснованную в памфлетах Уинстенли.

«Однако,— читаем мы далее в анализируемом памфлете,— человек в своей гордыне превратился в пожирателя «божьих творений», огораживателя, не желающего, чтобы ему подобный пользовался одинаковыми с ним привилегиями. Он отнимает все у своего брата. Так что все земли, деревья, звери, рыба, птица и другое огорожено во владениях немногих... а все остальные лишены [самого необходимого] и превращены в их рабов в такой степени, что за спиленное на топливо дерево их наказывают, а за охоту на птицу — сажают в тюрьму, так как она — забава джентльменов»¹⁵⁶. Поскольку все земли огорожены, бедняки не могут держать скот или построить жилище, не купив разрешение для одного или места для другого у главного огораживателя, именуемого лордом манором. И если держатель допущен на правах копигольдера, он должен принести клятву верности, точнее сделаться рабом.

В этом отрывке видна откровенная антифеодалная направленность всей идеологии аграрного левеллерства, в частности — диггеров 1649 г. Подобного рода жалобы мы встречаем буквально во всех программах крестьянских восстаний XIV—XVI вв.¹⁵⁷

Сельские левеллеры раньше, чем Уинстенли и диггеры 1649 г., сформулировали основное содержание крестьянско-плебейской

¹⁵⁵ Light shining in Buckinghamshire (Ed. Sabine. Op. cit., p. 611).

¹⁵⁶ Ibid., p. 612.

¹⁵⁷ См. выше, стр. 152.

аграрной программы революции 40-х годов XVII в. В их памфлетах уже налицо не только негативная направленность этой программы — протест против земельной монополии лендлордов, но и изложена позитивная ближайшая цель — уравнилельное землепользование, достижение которого обеспечило бы демократический переворот в деревне в интересах крестьянства. Именно поэтому сельских левеллеров следует отличать от Лильберна и его единомышленников не только по направлению их интересов¹⁵⁸, но и по самой сути социальных воззрений. В них мы вправе усматривать первых диггеров (понимаемых в широком историческом плане) революции 40-х годов, а в их программе — одну из важнейших сторон социальной идеологии Уинстенли. Перед нами промежуточное звено в истории диггеров между 1607 и 1649 гг.

В анализируемом памфлете предвосхищается и другая важнейшая черта идеологии диггеров — теснейшая связь между демократическим аграрным переворотом и идеалом демократической республики. Политические левеллеры, как мы видели, были в 1647 г. горячими сторонниками республики, но с конца 1648 г., когда гранды фактически оказались у кормила правления страны, Лильберн и его сторонники уже не требовали безусловного уничтожения монархии. Решающим для них было то, в какой мере данная форма правления, безразлично какая, обеспечивает основные «прирожденные свободы» человека¹⁵⁹. Вот почему после казни Карла I Лильберн и его единомышленники заявляли, что они вовсе не были ее сторонниками¹⁶⁰.

Действительно последовательными демократами и республиканцами в 1647—1649 гг. смогли выступить только истинные левеллеры, т. к. они впервые наполнили понятие свободы крестьянско-плебейским содержанием. Поэтому они должны были безусловно отвергнуть монархию, ибо в ее уничтожении усматривали первый акт установления демократического аграрного строя, пролог к свержению власти лендлордов, безраздельно связанной с монархией. «Королевская власть,— читаем мы в рассматриваемом памфлете,— происходит от зверя, а тот — от дьявола. Отсюда ясно, что тот, кто поклоняется власти короля, поклоняется дьяволу... а так как вся власть в стране основывается на королевских патентах, то она дьявольского происхождения»¹⁶¹. Заметим, что эти строки были написаны почти за два месяца до казни Карла I.

¹⁵⁸ Ср. D. Petegorsky. Op. cit., p. 109.

¹⁵⁹ Этот факт с очевидностью раскрылся в последующие годы, когда многие видные деятели левеллерского движения вступили в тайные сношения с двором будущего Карла II. J. Frank. Op. cit., p. 119.

¹⁶⁰ J. Lilburne. The Second part of England's New Chains — W. Haller. Op. cit., p. 185.

¹⁶¹ Light shining.— W. Haller. Op. cit., p. 613.

Наряду с таким библейским истолкованием сущности монархии сельские левеллеры широко пользовались и распространенной в те годы теорией так называемого «нормандского ига»¹⁶². «Незаконнорожденный чужеземец Вильгельм», — писал анонимный автор памфлета, — пришел к власти в Англии с помощью завоевания и убийств. «Он создал гарнизоны, чтобы поработить англо-саксов, захватить все их земли и вынудить держать их на праве копигольда, уплачивая произвольные фэйны и гериоты. Таковы предшественники нынешнего короля. Не ясно ли, — заключал он, — что короли — враги царства христово»¹⁶³.

Отсюда делались не только политические, но, что более важно, социальные выводы. «Смотрите же, богатые землевладельцы, захватчики-огораживатели: ваши титулы, ваши патенты, грамоты, разрешения исходят от короля и все земельные держания получены вами от вашего (!) короля; все указы, договоры, обязательства и аренды также составлялись от его имени». В этом автор памфлета видел основную причину, почему злонамеренные люди — пэры, бароны — поддерживали короля, ибо в противном случае их тираническая палата лордов пала бы вместе с ним. Точно так же лорды маноров, джентльмены, судьи должны стоять за короля, ибо их власть и привилегии учреждены королевскими патентами. А священникам разве не ясно, что если падет король, то будет уничтожена их десятина?¹⁶⁴

Такое глубокое понимание неразрывной связи между монархией и системой лендлордизма до Уинстенли можно найти только у сельских левеллеров.

Только они дают такое истолкование Республики (commonwealth), которое предполагает уничтожение наряду с королевской властью и вернейшей ее социальной опоры — крупного землевладения, сословного строя, бюрократии, государственной церкви.

Сельские левеллеры во многом предвосхитили Уинстенли и в трактовке социального идеала. Впрочем у них он носит более примитивные черты крестьянской уравниловки. Ставя своей задачей «освободить равно всех людей от рабства», они стремились к «трудоной», «социальной республике» (именно так они понимали термин «commonwealth»), которая обеспечит «каждому человеку справедливое положение (just position) в жизни, чтобы никто не должен был просить милостыню или воровать из-за нужды»¹⁶⁵.

В этом стремлении обеспечить каждому «справедливую долю» материальных благ и прежде всего — земли, следует

видеть краеугольный камень социального уравниательства 40-х годов XVII в. Основной принцип «истинной республики», о которой мечтали сельские левеллеры, гласил: «Каждый должен трудиться ради собственного пропитания, ибо несправедливо и недостойно, чтобы один работал, а другой забавлялся (play)». «А если все равно трудятся, разве это несправедливо, чтобы все равно и ели» (to eate alike)¹⁶⁶. Перед нами не только образец мышления радикально настроенной сельской бедноты, которой в силу господства феодальных монополий на землю свойственно было непреходящее стремление к «делу всех благ поровну». В приведенных утверждениях сельских левеллеров скрывалось — в условиях Англии 40-х годов — также и глубоко революционное содержание, хотя традиционный идеал этой программы «равно трудиться и равно есть» и получил у сельских левеллеров весьма ограниченное (не выходящее, по существу, за средневековые рамки) истолкование. Автор памфлета «Совет, воссиявший...» еще не указывает путей для достижения этой цели. Но ему уже ясно, что подлинная свобода (absolute freedom) означает создание условий, при которых один человек не сможет жить за счет труда другого¹⁶⁷. Отсюда вытекали требования уничтожения рент и фэйнов копигольдеров, уничтожения процентов за долги, уничтожения десятины¹⁶⁸.

Зажиточный йомен 40-х годов XVII в. уже боялся посягнуть на собственность лорда, опасаясь, как бы в результате не потерпел ущерба его собственный двор. Но крестьянско-плебейская часть деревни была готова решительно вторгнуться в собственность манориальных лордов, богатых арендаторов и собственников десятины. Итак, истинное левеллерство выкристаллизовалось на решающем этапе революции (1647—1649).

Главная заслуга истинных левеллеров состояла в том, что они выступали самими решительными поборниками крестьянско-плебейской аграрной программы. Они первые увидели в уничтожении феодальной собственности на землю основную предпосылку социального «избавления» широких масс, понимаемого ими как торжество равенства мелких тружеников — этого истинного оплота демократической республики¹⁶⁹. Предвосхитив в значительной степени воззрения Уинстенли, сельские

¹⁶⁶ Light shining. Ibid., p. 616.

¹⁶⁷ Ibidem. Близкий к левеллерам листок «Mercurius populi» именует королей, лордов, придворных «просто бездельниками», живущими плодами, добытыми трудом простого люда. Гертфордширские левеллеры заявили годом позже, что они намерены впредь не избирать в парламент... лордов маноров, импроприаторов десятины и законников, чьи интересы заключаются в уничтожении нас и удержании в рабстве». (A Declaration of Divers inhabitants of the county of Hartford, Febr 4 1650. Цит по Schenk, Op. cit., p. 66).

¹⁶⁸ Light shining, p. 616

¹⁶⁹ J. Winstanley. A Declaration of the well affected in the county of Buckinghamshire.— Works, ed. Sabine, p. 646—647.

¹⁶² См. Ch. Hill. Puritanism and revolution. London, 1952.

¹⁶³ Light shining. Ibid., p. 613.

¹⁶⁴ Ibid., p. 613—615.

¹⁶⁵ Ibid., p. 615.

левеллеры первыми объявили на всю страну о своей солидарности с диггерами. В декларации, принятой ими на митинге 10 мая 1649 г., т. е. в дни, когда создание колонии близ Кобхема стало уже общеанглийским событием, бекингемпширские левеллеры призвали всех своих приверженцев «содействовать делу [диггеров] и оказывать им всемерную помощь», хотя и не сумели оценить до конца их исторического значения, не поняли связи их деятельности с общей борьбой народных масс против «нормандской тирании»

Сельские левеллеры не противопоставляли себя направлению Лильберна и тем самым еще не признавали себя в качестве «истинных левеллеров». Уинстенли и его последователи, называя себя так, сделали дальнейший шаг вперед. Это стало возможным потому, что от имени всех угнетенных общин Англии теперь выступила их наиболее обездоленная и отверженная часть — английский плебс. «Vox plebis»¹⁷⁰ — голос плебса — донес до нас высшую истину, достигнутую народными массами в ходе революции 40-х годов XVII в.

---

¹⁷⁰ Так назывался радикальный памфлет, изданный в Англии в 1646 г.

Ссылки на материалы к теме

В. Васютинский. Оливер Кромвель

http://enlightment2005.narod.ru/arc/eng-revolution-xvii_cs-1933-1935.pdf

В. Васютинский. Реставрация Стюартов

http://enlightment2005.narod.ru/arc/eng-revolution-xvii_cs-1933-1935.pdf

В. Семенов. Левеллеры в английской революции XVII в.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/eng-revolution-xvii_cs-1933-1935.pdf

М. Барг. Великая английская революция в портретах её деятелей
Главы из книги

<http://revsoc.org/archives/1369>

М. Барг. Кромвель и его время

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/134021.html

Л. Репина. Социальные движения и революции XVI-XVII вв.
в современной компаративной историографии

http://vive-liberta.narod.ru/journal/repina_revolt.pdf

Другие работы М.А. Барга

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#barg>